

ВЛАДИМИР ЧЕРНОСВИТОВ
СЕРГЕЙ СНЕГОВ

СЕЙФ КОМАНДИРА «ФЛИНКА»

ПОГОНЯ В ТУМАНЕ

ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Тайный фронт

Сергей Снегов

**Сейф командира
«Флинка»; Погоня в тумане**

«Алисторус»

УДК 82-311.6
ББК 84(2)6

Снегов С. А.

Сейф командира «Флинка»; Погоня в тумане / С. А. Снегов —
«Алисторус», — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-431-0

Повесть Владимира Черносвитова «Сейф командира «Флинка» переносит читателя в советский портовый город Прибалтики, где водолаз Сергей Сафонов отправляется исследовать затонувший немецкий корабль. На его борту он находит сейф с секретными документами. Угроза собственной жизни заставляет его вступить в игру, полную тайн и интриг, чтобы раскрыть преступление периода Великой Отечественной войны. Повесть Сергея Снегова и Владимира Черносвитова «Погоня в тумане» рассказывает об операции советских спецслужб по обезвреживанию разведывательной группы, проникшей на территорию СССР на побережье Балтийского моря. Пограничники обнаруживают необычный корабль, замаскированный под рыболовный траулер. Выясняется, что на берег высажены опытные шпионы, которые должны провести диверсионную операцию на строительстве важного промышленного объекта.

УДК 82-311.6
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-00269-431-0

© Снегов С. А.
© Алисторус

Содержание

Владимир Черносивов	6
Подвиг мирного времени	6
Тайный резонанс	10
Факел в море. Тревожная ночь	17
Внезапные встречи и разлуки	26
Полоса волнений и неприятностей	31
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Владимир Черносвитов. Сергей Снегов
Сейф командира
«Флинка». Погоня в тумане

Тайный фронт

© Черносвитов В. М., правообладатели, 2026
© Снегов С. А., правообладатели, 2026
© ООО «Издательство Родина», 2026

Владимир Черносивов Сейф командира «Флинка»

*Комсомолии,
ныне служащей на флоте,
посвящаю*

Подвиг мирного времени

– Вира помалу!..

Матрос-крановщик включил лебедку – трос напрягся, пошел, роняя капли, и поднял со дна большую, бурую от ржавчины фугаску. Под нею гамаком провисала сетка – вдруг бомба да сорвется со стропов!..

Манипулируя рычагами, матрос повернул стрелу и плавно, тихонечко опустил бомбу в кузов грузовика. Придержал. Солдаты в кузове отвели страховочную сетку, бомба мягко улеглась на смесь опилок и песка. Махнули крановщику: «Забирай снасть!»

Стоявший у пульта связи вахтенный офицер поднес к губам микрофон, предупредил:

– Внимание, водолазы. Майна строп.

Описав в воздухе дугу, сетка легонько шлепнула по воде и скрылась в ней, увлекая за собой как со стропами.

«Есть строп майна», – отозвался динамик.

...Еще в годы войны здесь, на берегу укромной бухты Южная, немцы соорудили большой бетонный причал с пакгаузами – какую-то перевалочную базу. Отгрохотала война... Демобилизованный в числе первых моряк главстаршина Шарипов не поехал домой: война осиротила его. Он остался у моря и из таких же демобилизованных сколотил здесь первый рыболовецкий колхоз. Проявив флотскую находчивость и разумную инициативу, он сразу прибрал к рукам эту временно ничейную базу. С годами артель крепла, росла, флот ее увеличился – Южная стала солидным колхозным портом. И вот на днях обнаружилось, что гитлеровцы, драпая, заминировали причал, превратив одну его секцию в кюйт-камеру¹ огромного фугаса! Долгие годы, оказалось, рыбаки хозяйствовали буквально на бочке с порохом!

Конечно же, военные моряки и армейцы-саперы тотчас пришли на помощь. Первым делом эвакуировали все население колхозного поселка. Неподалеку от причала врыли бетонные укрытия. В них развернули компрессорную, пункт снаряжения водолазов, камбуз, кубрики питания и отдыха, командный пункт с узлом связи. Глубже в тылу расположили гараж, техобеспечение, кубрики шоферов, комендантского взвода, солдат и матросов подвахты.

Причал пустовал. Рыболовные сейнера и траулеры маячили на якорях далеко на рейде. У берега бесстрашно летали, зависая, радужные стрекозы, за работой разминеров бдительно наблюдали любопытные скворцы.

...На дне матросы-водолазы приняли снасть, подтянули и расстелили ее возле промоины под бетонной стенкой причала.

– Гамак готов, старшина.

– Пусть лежит. Все, кончились «поросята», – ответил старшина Сафонов. – Фонарь мне... Ствол... Самим приготовиться к подъему.

– Товарищ старшина...

¹ Кюйт-камера – помещение на корабле, где хранятся взрывчатые вещества (мор.).

– Довольно канючить! – оборвал Сафонов. – Сказано – приготовиться! На стенке! Поднять водолазов. Иду на отмывку.

Сейчас Сергею Сафонову предстояло самое противное: в тесноте бетонной каморы, заполненной миллионом смертей, отмыть очередной ряд бомб и снарядов. А кто знает – где, какой и в каком ряду заделан тут общий взрыватель?..

– Водолазы вышли, – сообщил Сергею вахтенный капитан-лейтенант.

– Добро... На стенке, прошу всех в укрытия.

– Понял, – отозвался офицер и нажал тумблер ревуна.

Стенка вовсе опустела. Хотя отмывка эта не первая уже, хотя все продумано, предусмотрено, отработано и водолазы натренированы, а в укрытиях всё же замерли все в тревоге. Не за себя, нет, – хотя бункер тоже не спасение, – за водолаза, представляя, каково там сейчас ему!

А он, пробравшись в камору, осветил сильным фонарем штабель фугаса, примерился, зрительно запоминая, где и как отмывать. Попросил воду. Ствол в руках чуть дрогнул, напрягся – и через секунду уже камору заполнил непроглядный буран песка и мути, ни на дюйм не пробиваемый никаким фонарем! И это даже при самом слабом напоре струи.

Сергей работал вслепую, ориентируясь лишь по памяти. Рисковал он страшно. Снаряды следовало со всеми предосторожностями извлекать по одному, обнажив общий взрыватель – обезвредить его. А тут штабель может посыпаться, заставив сработать взрыватель. Одна эта мысль обжигала. Раньше, когда командование поднимало добровольцев на это дело, можно было все много раз взвесить. А когда уже вызвался, захотел проверить себя на подлинно боевое мужество – тут уж держись!

– Не увлекайтесь, Сафонов, кончайте, – сказал ему прямо в ухо телефон.

Сергей не ответил – не мог почему-то. Легкое шипение струи тотчас смолкло, ствол в руках водолаза обмяк.

– Сафонов! Почему молчите?.. Сергей, ты меня слышишь? – тревожно спросил офицер.

– Слышу, – как-то лениво промямлил Сафонов, почувствовав вдруг чугунную усталость, будто он на предельной глубине полчаса камни ворочал. Привалился плечом к стене. Перевел дух. – Слышу, – повторил, тупо уставясь в ржавую тушу, скатившуюся прямо под ноги. Из-под вязаной фески по вискам и за ушами противно поползли капельки холодного пота.

*...И родная отвечала:
«Я желаю всей душой,
Если смерть придет – мгновенной,
Если раны – небольшой», —*

промелькнули в памяти почему-то строки песни комсомольцев гражданской...

День, другой, третий на пустынном далеком мысу, куда саперы отвозили ржавую смерть, громыхали взрывы, напоминая многим войну. Наконец пришел черед последнего.

...Утром колхозный порт заполнили принаряженные женщины, рыбаки, ребяташки, районные и областные власти, военное начальство. Усердно дудел клубный оркестр, дымили трубы колхозной столовой.

Лучшие водолазы по-братски бросили жребий, кому из них в составе комиссии подписать акт сдачи разминированного объекта. Выпало Сафонову.

– Судьба была к нему щедра, но справедлива, – высказал общее мнение старшина Чуриков, разведя руками.

Простую формальность правление колхоза и райком решили сделать колхозным праздником. Военное командование охотно дало «добро». Сообща наметили нехитрую программу.

– Внимание! Водолаза – к спуску! – объявил вахтенный офицер.

В прорезиненный комбинезон скафандра водолаза встряхивают, как в мешок, растянув широкий резиновый ворот. Затем надевают на плечи «манишку» – нечто вроде овального медного подноса с дырой посредине, согнутого так, чтобы он двумя полукругами прикрывал грудь и спину водолаза. В дыру-флянец этой манишки вытягивают кромку резинового ворота комбинезона, расправляют по окружности флянца и насаживают дырками на три болта, торчащие из флянца. Надевают просторный шарообразный медный шлем с тремя смотровыми иллюминаторами, насаживают его на те же болты и затягивают гайками. Резиновый ворот комбинезона оказывается плотно зажатым между флянцами манишки и шлема, и теперь эти составляющие – комбинезон – манишка – шлем – образуют уже единое целое – скафандр. Из-за этих болтов и пошло его прозвище – «трехболтовка». Ну, а потом еще обувают водолазу свинцовые «галoши», навешивают на грудь и спину груза, опоясывают ножом, снабжают фонарем, сумкой с инструментами – в общем, снаряжения ему хватает.

Сафонова одели по всем правилам в скафандр, и он, как статуя командора, грузно зашагал по бетонной стенке к трапику.

– Боже ж мий! Так вин же утопне, серденько, такой важный! – испугалась какая-то бабуся.

Колхозники притихли, наблюдая. Большинство из них впервые видели спуск водолаза.

Сергей сошел по трапику в воду – по пояс. Матросы накрыли его голову шаровым медным шлемом, затянули гайки флянца. Чуриков ополоснул водой – чтобы не запотело, – круглое стекло в медной оправе, крикнул:

– Воздух водолазу!..

Компрессорщик включил подачу. Сзади в шлем впаян рожок, на который насажен и закреплен шланг воздухопровода. Через невозвратный клапан этого рожка в шлем поступает нагнетаемый компрессором воздух. А на груди и спине рубахи есть другие невозвратные клапаны, которые, наоборот, выпускают лишний воздух. Таким образом комбинезон не раздувает, и водолаз все время дышит свежим проточным воздухом. Но этого мало: в самом шлеме есть еще клапан с пружинкой – золотник. Вот им-то, главным образом, и регулирует количество воздуха в рубахе и свою плавучесть водолаз, то и дело нажимая головой на пуговицу золотника.

Женщины в удивлении ахали, девчата прыскали, пацаны застыли благоговейно, даже перестав шмыгать носами. Военные снисходительно улыбались этому маленькому спектаклю.

Чуриков ввинтил Сергею в шлем передний смотровой иллюминатор, затянул, шлепнул ладонью по медной лысине – и Сафонов ушел под воду, травя золотником лишний воздух.

– Ой, лышенько! – всплеснула руками та же бабуся.

Придя на грунт, Сергей взял заранее оставленную там латунную полированную пластинку и стал ждать сигнала. На ней было выгравировано:

Бухта Южная

Причал рыбколхоза «Балтиец»

Разминирован

(дата и год)

Тем временем наверху секретарь парткома колхоза Соловецкий открыл митинг, публично высказал морякам и армейцам-разминерам сердечную благодарность за их подвиг.

Офицер скомандовал «Подъем!», водолаза подняли, сняли с него шлем, и, тяжело топая, оставляя на сером бетоне мокрые темные следы, Сергей подошел к столу комиссии.

– Товарищ председатель, причал рыболовецкого колхоза «Балтиец» разминирован и взрывоопасным больше не является! – отрапортовал он и подал латунную пластинку.

Шарипов громко прочитал текст и высоко поднял пластинку, показывая собравшимся.

– Ура гвардейцам! – провозгласил усатый рыбак с боевыми наградами, и все восторженно подхватили.

Парни в гимнастерках и синих фланельках смущенно улыбались. Они не думали, что газеты назовут их работу подвигом, были польщены и чувствовали себя именинниками.

За официальной частью последовал праздничный обед в колхозной столовой – столь щедрый, что потом всем морякам и солдатам пришлось предоставить продленный адмиральский час отдыха.

Спасательная экспедиция внесла, конечно, яркое разнообразие в повседневную монотонность их служебных будней, но моряки и солдаты все же рады были уже вернуться в свои подразделения. И сейчас, разделясь на две бригады, авралили вовсю, свертывая остатки своего выездного хозяйства.

Смекалистый Шарипов снова пришел на причал, подсел к отдыхающей бригаде – будто бы тоже передохнуть. Впрочем, он и впрямь упарился, надев сегодня по случаю торжества синий морской китель с золотой медалью «Серп и молот», которой был недавно удостоен. И сейчас, распахнув китель, сидел, обмахиваясь его бортами.

– Уф-ф... Ну и денек выдался – лето, да и только!

– Сплюньте, Солтан Мустафович, а то еще снег повалит, – улыбаясь, посоветовал Чуриков. – Прибалтийская весна – баба капризная.

– Это точно. Тьфу-тьфу-тьфу! – шутливо сплюнул рыбак. Посмотрел, шурясь, на небо, на бухту. – Да нет: чайки садятся на воду – жди хорошую погоду! Примета верная... А скажите-ка, братцы-водолазы, ваше слово – олово. Винт у нас на «Сириусе» бить стал. Гребной вал как струна, а винт молотит! Вы не могли бы в порядке шефства...

– Есть о чем говорить! – перебил Сафонов, нежась на солнце.

Чуриков подтвердил:

– Запросто. И посмотрим, и сделаем, что там надо. Только я, Солтан Мустафович, распоряжения такого дать не могу: прав у меня еще как-то маловато. А вот если начальство...

– Так я и нацелился с Ладогой потолковать... А то, понимаете, гнать траулер в док – это же простой минимум неделю. Да и дорого чертовски. А водолазов от отряда ПТР вызывать – вовсе без штанов останешься. В прошлом году за пустяковину такой счет выставили – нас с главбухом чуть кондрашка не хватила!.. Ты чему радуешься?

Покусывая травинку, Сергей смотрел на председателя смеющимися глазами.

– Чудно: такой рачительный хозяин, а... Сколько у вас в артели получает самый ценный специалист?.. Так. Умножаем на двенадцать... Кондрашка не хватает? Прекрасно! Так почему бы вам не занять собственных двух-трех водолазов-совместителей, которые бы работали кем-либо, а по мере надобности выполняли бы и все подводные работы? Прикиньте-ка на круг разницу-выгоду...

Тайный резонанс

Не прошло и двух дней, как Шарипов снова приехал на военно-морскую базу с очередным сюрпризом.

– Бог мой, Солтан Мустафович! – в шутку ужаснулся капитан первого ранга Коногонов. – Что привело вас к нам? Неужто еще фугасик нашли?

– Да уж не знаю что, но нашли. Мы такие!..

Разговор продолжился в кабинете командира базы, куда адмирал вызвал еще и некоторых своих флагманских специалистов.

– Прошу, товарищ Шарипов, – пригласил он рыбака к большой карте-макету водного района.

Шарипов подошел, присмотрелся, сориентировался:

– Ага. Вот, стало быть, наша Южная, вот выход из бухты, отмель, коса. Это уже морской берег... Так... Ситуация, значит, такова. Получили мы недавно новинку – тралы «Альфа». Пригнали с «Красной кузницы» и два новеньких траулера, которые еще осенью прикупили... А тут этот проклятый фугас объявился!.. Суда на рейде простаивают, команды бездельничают – сплошные убытки! Ну, и решили пока опробовать свои новинки, освоить, так сказать, в комплексе и траулеры, и тралы. А поскольку тут и дно чистое, и близенько, то стали гонять взад-вперед вот туточки... Походили мористее, где поглубже, – отлично! Пошли у самого бережка. И вот тут-то, на малых глубинах... Где санаторий «Белый камень»?.. Вот. Стало быть, аккуратно на траверзе санатория, вот здесь, вдруг – зацеп. Да какой! Рвануло – аж ваера² застонали! Выбрали трал, он – в клочья. Новенький! А в нем – вот этот «улов»...

Шарипов, как перышко, извлек из своего портфеля что-то плоское, завернутое в бумагу, вручил адмиралу. Тот взял – и едва не уронил. В пакете оказалась какая-то бурая от ржавчины железка со свежим изломом на оконечности.

– Любопытно, – осмотрев, сказал адмирал. – Явно кусок какой-то палубной броняшки.

– Похоже, вроде бы, – от щита...

– Не будем гадать. Послушаем лучше: что скажут наши тральщики? – обратился адмирал к тучному офицеру.

– Что мы скажем, товарищ адмирал... – пожал тот плечами. – В годы войны, точно известно, никаких морских боев и десантов тут не было и ни одного потопления наших или вражеских кораблей не отмечено. После войны тоже никаких аварий. Минных заграждений тут также не было ничьих. А потому и тралений особой тщательности не производилось. Да и место такое... не бойкое. Так что...

– Понятно. Значит, надо проверить, посмотреть. Разведайте, товарищ Коногонов, и доложите, что там такое.

...Диеткафе располагалось неподалеку от Главного управления строительства и ремонта Морфлота. Готовили здесь на редкость невкусно, так что даже в обеденный перерыв народу бывало мало, и Николай Николаевич вполне успевал поест и еще пройтись по Садовому кольцу для моциона. Так и сегодня.

В огромном штате управления Николай Николаевич Федотов занимал весьма скромную должность – в общей канцелярии ведал экспедицией. Группа с этим романтическим названием выполняла самую прозаическую функцию: распределяла по отделам, группам и секторам управления всю поступающую корреспонденцию и рассылала адресатам всю исходящую. Однако это внешне нехитрое дело в сущности оказывалось довольно сложным и требовало сноровки. Приходит, скажем, какая-то деловая бумага, и надо с одного взгляда сразу и без-

² Ваера – стальные тросы, которыми траулер тянет трал.

ошибочно решить, куда, кому ее направить. То ли начальнику, то ли одному из заместителей, а то и в какой-то из отделов. Ошибешься – бумага станет бродить из отдела в отдел, пока не затеряется.

В управлении все относились к Федотову с тем особым уважением, с каким у нас повсеместно относятся к ветеранам Великой Отечественной. А Николай Николаевич был к тому еще и фронтовиком особо лютой судьбы.

Возвратясь с войны, он разыскал в Москве мать своего погибшего друга – офицера Куракина. Потерявшая двух сыновей, она оказалась совершенно одинокой и беспомощной – кандидат в дом престарелых. Федотов не мог допустить этого: он поселился у несчастной и всю свою жизнь посвятил сыновним заботам о ней, так и не устроив свою личную жизнь. Такое не может не тронуть даже самого черствого человека!

Шли годы, менялись начальники управления, и каждый настоятельно предлагал Федотову повышение по службе, но ветеран решительно отказывался покинуть насиженное место. Карьера его не прельщала, зарплата тоже: жил он скромно. Николай Николаевич так и объяснял начальству: покой и здоровье дороже. Тем более, здоровье у него подорванное – боевые ранения, плен, каторжные работы в подземном лагере смерти...

Ежедневно к Федотову стекалось множество документов из всех отделов. Вот и сегодня – целая кипа. Привычно быстро обработав «исходящие», Николай Николаевич сдвинул стопу на край стола:

– Валюша, сдайте, пожалуйста, в отправку. И прихватите, голубушка, сегодняшние поступления.

Молоденькая сотрудница охотно выполнила просьбу, и вскоре на стол Федотову легла охапка прибывшей почты. С ней возни предстояло больше. Следовало не только зарегистрировать каждое поступление, но еще и «разнести» все по соответствующим отделам. Охапка уменьшалась и рассеивалась по кучкам медленно: Федотову приходилось бегло прочитывать хотя бы две-три строчки каждого документа.

Наконец он вскрыл предпоследний пакет – из военно-морского ведомства. Машинально записал очередной номер в регистрационный журнал «входящих», глянул в текст и... обмер. Вчитался со всем вниманием. Утер лицо и лоб платком – и снова перечитал. Сунул документ в ящик стола. Вскрыл последний пакет и зарегистрировал в журнале под уже написанным номером...

Домой с работы Федотов всегда ходил пешком. По дороге заходил в магазины и, уже не скромничая, накупал что получше – дома готовил изысканные блюда. Нынче мимоходом прихватил в киоске лишь коробку мармелада. Затем втиснулся в будочку телефона-автомата, набрал номер, вежливо сказал:

– Добрый вечер. Марию Васильевну, пожалуйста.

– У нас такой нет, вы, вероятно, ошиблись номером.

– Да?.. Минуточку! Извините, конечно, но мне слышится – не ошибся: вы ее сосед. Простите, я знаю, что вы не в ладах с нею, но мне крайне необходимо...

– Уверю вас, вы ошиблись, – холодно перебил ответивший и положил трубку.

Перезванивать Федотов не стал и спокойно зашагал дальше. Спустился по бульвару, свернул на Метростроевскую... Вскоре был уже у себя – в двухкомнатной скромной квартире на третьем этаже старого дома. Дверь в прихожую из меньшей комнаты была распахнута – там у окна сидела в кресле шуплая старушка. Николай Николаевич одарил ее мармеладом, улыбнулся и, сопровождая слова жестами, объяснил, что устал и приляжет у себя. Куракина одобряюще покивала.

В своей комнате он сразу как-то осунулся, обмяк. Привычно переоделся по-домашнему – в шлепанцы и пижаму – и грузно опустился в старое кожаное кресло. Прикрыл глаза в мрачном раздумье.

На столике рядом зазвонил телефон. Николай Николаевич не глядя протянул руку, взял трубку.

– Слушаю.

– База горторга? Можно приехать?..

– Можно! Ждем. Это вырезатель, – раздраженно прервал Федотов и положил трубку.

Поднялся, прошел в кухню, отпер и оставил незапертой дверь на черную лестницу. Возвращаясь, проверил, плотно ли закрыта дверь в комнату Куракиной.

Вскоре из кухни донесся щелчок запираемого замка, и в комнату Федотова без стука вошел одетый под среднего москвича симпатичный мужчина лет тридцати семи. По внешнему виду трудно было предположить, что в кармане у него дипломатический паспорт пресс-атташе одного из солидных посольств.

– Добрый вечер, Майкл.

– Отнюдь не добрый. Садитесь, Фрэд.

– Что стряслось, почему экстренный вызов? Кстати, позвони вы минутой позже – меня бы в посольстве уже не было. Старушка дома?

– Куда она денется! Да вы не бойтесь: старая карга глуха, как колода. Забыли?.. Кофе хотите?

– Пожалуй, выпью.

Федотов всыпал двойную порцию, включил кофеварку. Через плечо спросил гостя:

– Сегодня пятница?

– Пятница.

– Ну конечно, в другой день этого не могло произойти! Мерзкий день!..

– Да что случилось-то?

– Страшная вещь. Сегодня, Фрэд, мы получили из военно-морского ведомства извещение: найден «Флинка»!

Лицо пресс-атташе выразило лишь некоторое недоумение. Федотов нахмурился еще пуще, потом сообразил:

– Впрочем, вы тогда еще в индейцев играли... «Флинка» – это секрет сталинита.

– Так бы сразу и сказали. Сталинит! Да его нынче у нас вспоминают куда чаще, чем самого Сталина!

– Он так был назван не в честь Сталина, а по своему прямому значению. Вам известно, в чем ценность сталинита?..

– Признаться, не очень, это же не моя сфера.

– Надо знать. Для должной оценки ситуации хотя бы. Сталинит – редкий минерал, природные запасы которого крайне ограничены. Единственное в мире месторождение его, имеющее промышленное значение, – в Советском Союзе. Сталинит является совершенно изумительной присадкой при выплавке особых сталей. Талантливые Кошкин и Кучеренко сконструировали, конечно, замечательную «тридцатьчетверку», но превосходство боевой машины определяют не только ее тактико-технические решения. Броня – тоже решающий фактор. Броня!

Сталеплавильные заводы Круппа, Крезославились на весь мир, в годы войны наши блюминги катали броневый лист не хуже уральских, а броня значительно уступала советской! Почему? Да потому, что у Советов имелся сталинит, а у нас его не было! Мы вводили в сплав другие присадки, но – увы... А на пороге серийного производства уже стояла реактивная авиация и другие новинки вооружения – сталинит был нужен всем позарез!

Захватив советскую Прибалтику, мы узнали, что накануне войны там настойчиво искал что-то ленинградский геолог Михеев. Что?.. Абвер дал задание нашей агентуре выяснить это. Но в блокадном Ленинграде прояснить что-либо стало чертовски трудно, а тут еще Михеевых в России – как Шмидтов в Германии!.. Удалось узнать только, что какой-то из Михеевых был

одержим поиском сталинита и пропал без вести. Тот это Михеев или не тот? Нашел он сталинит или не нашел? Где документация его поисков? Черт его знает!..

Однако сталинит, да еще в Прибалтике, где рейх мог бы его немедленно реализовать, – проблема наиважнейшая! Дело было взято абвером на оперативный учет. Время шло, но туман не рассеивался. Альберт Шпеер лично распорядился «не ждать милостей от абвера», а направить в Прибалтику лучших геологов Германии, чтобы те сами немедленно нашли сталинит. Вот даже как!

– И те не нашли?

– Даже фюрер посмеялся над бредовой затеей своего друга. Министр вооружения и военной промышленности Шпеер прежде и архитектором-то был хреновеньким, а уж в поисковой геологии и вовсе ничего не смыслил. Без документов Михеева такой поиск стал бы ловлей золотой рыбки в мутном озере.

Однако абверовцам удалось узнать, что русские готовят к тайному походу трофейный «Флинк». Куда? К кому? Зачем?.. Наши военные базы, порты и вообще берега Скандинавии исключались – к ним на надводном слабеньком «Флинке» даже советским фанатикам-морякам было не подступиться. Значит, южное побережье Прибалтики. А туда чего?.. Десант? Чепуха, самолетом и быстрее, и проще, и надежнее. А уж не в связи ли со сталинитом готовится этот тайный рейс?!

Задание диверсионной группе было дано широкое. Разумеется, прежде всего высветить, за чем идет «Флинк». И если за сталинитом, то любыми средствами завладеть документами Михеева! А если с другой целью, то сорвать операцию. Обычно исполнителю ставится конкретная задача. Тут же командиру давался полный карт-бланш – право все решать и действовать по своему усмотрению! Двух своих помощников я потерял почти сразу. Но вдвоем с последним все-таки внедрился в экипаж «Флинк»... Трудно, вы говорите?.. – Федотов повел носом, выключил кофеварку. Зло и чуть надменно усмехнулся. – «Трудно» – не то слово, Фрэд. Почти невозможно! Но я преодолел это «почти» и вышел на задание!

– И блестяще выполнили его! – подхватил атташе. – Да-да, я вспомнил! В разведшколе эта операция преподавалась нам как образец смелой, тонкой разработки и высокопрофессионального исполнения. Правда, операция осталась незавершенной...

– Ну, это уже не по моей вине. Это флотские наши...

– Нам так и объяснили. Командир «Флинк» все же обхитрил их и прямо из рук ушел вместе с кораблем... на дно! Да еще невесть где.

– Именно так. Я все подготовил, разжевал и в рот положил... Да, не учли советского фанатизма.

Разливая кофе по чашечкам, Федотов горько подсадовал:

– Сколько лет этот чертов «Флинк» лежал на дне никому не известный и вот – на ж тебе! – нашелся, проклятый! Теперь, конечно, его обследуют, первым делом поднимут корабельные документы и... Представляете, Фрэд, что меня ждет?

– Н-да, не позавидуешь... Но, простите, Майкл, откуда у вас уверенность, что на «Флинке» документы именно сталинита? Ведь тогда вы этого так и не узнали.

– Это узналось потом. Потому на моряков, упустивших «Флинк», и обрушился шквал негодования командования. Сгоряча и мне чуть не всыпали!.. В гестапо ведь были и аналитики. Исследовав и сопоставив агентурные, официальные, разведывательные – все имевшиеся прямые и косвенные данные, они дали категорическое заключение: «Флинк» ходил за секретом сталинита! Тогда с наших мариманов-ротозеев и полетели пух и перья. А меня даже наградили и как Федотова вернули в СССР.

– Ясно... Да, чертовски плохо получилось! Командир «Флинк», конечно, красочно живописал ваше истинное лицо – лицо губителя его чрезвычайной экспедиции, а это вам теперь смертный приговор. Скверно получилось!

– Чего уж хуже! Прошу... – подал гостю чашку.

– Спасибо... Послушайте, Майкл, а может быть, все это не так уж страшно? Ведь сколько лет прошло – бумаги все уже раскисли, записи расплылись... А?

Николай Николаевич покачал головой:

– Сомнительно. Все геологи, изыскатели, моряки записи свои делают всегда только графитовыми карандашами – специально, чтобы не расплылись в случае чего. И бумагу им давали специальную, водостойкую. Правда, ее всем вечно не хватало, но где гарантия, что именно командиру «Флинка» ее не досталось? Нет, Фрэд, на это рассчитывать архиглупо.

– Пожалуй. Надо что-то срочно предпринимать.

– Что именно?.. Послушайте, коллега, давайте начистоту. Мы с вами специалисты разного профиля, но служим одной «фирме». Я значительно старше и опытнее вас, и...

– Не продолжайте, – перебил атташе, морщась. – В свое время вы крепко выручили меня, и я не забыл этого. Поэтому охотно помогу вам теперь всем, что в моих силах. Не сомневайтесь.

– Рад слышать. И глубоко признателен. Что вы посоветуете мне предпринять?

– Удрать, пока гром не грянул, – быстро и внезапно. Лучше всего полулегально. Я вам тотчас, пока посол в отъезде, сделаю дипломатический паспорт с вашей фотографией, и вы вместе с дипкурьером посольства завтра же улетите. Если вас даже сразу хватятся – и то будет поздно.

– Признаться, я первым делом тоже так подумал. Но... «Фирма» не согласится. Сами посудите: сколько лет уже мне деньги платят. И какие! А за что? За ту рыбешку, какую я вылавливаю в Управлении? Черта с два! За такую добычу таких денег не платят, Фрэд. Да и не мой масштаб это. Меня специально держат в глухом резерве на случай какого-либо чрезвычайного задания, это ясно.

Атташе потер переносицу, обдумывая:

– А что... А что, если вы удерете так, без разрешения? А постфактум оправдаемся: вы – экстренной потребностью, я – незнанием необходимости испрашивать разрешение. Генерала вам за этот трюк не пожалуют, вероятно, но и из полковников не разжалуют. Годы все же, заслуги... На счету у вас накопилось изрядно, да и с войны кое-что, надо полагать, хранится – перебьетесь. Купите виллу где-нибудь в Рио-де-Жанейро и засядете писать мемуары. А?

Федотов мрачно усмехнулся:

– Вы нарисовали слишком идиллический финал. У нас на первом месте интересы «фирмы», и такой выход из игры – дезертирство. А как поступают с дезертирами, вы знаете. Мне страшно, Фрэд, погибнуть в автомобильной катастрофе или того нелепей. Я... Я боюсь, просто боюсь.

– Понял, – кивнул атташе. – Что же тогда вам предпринять?..

– Не мне, а «фирме». Место затопления «Флинка» мне теперь точно известно. Используя это, «фирме» следует экстренно провернуть решительную диверсию и перед носом у русских уничтожить или захватить все корабельные бумаги.

– Браво, Майкл! Именно это и спасет, и сохранит вас!

– Спасло бы. Не выйдет. Сегодня наши не пойдут на такой шаг.

– Не решатся, думаете? Или не осилят?

– Ну, что вы! И решимости, и возможностей, и исполнителей у наших хозяев достаточно. О деньгах и говорить нечего. Просто... – Федотов щелкнул пальцами, подбирая слова, – решающим в нашей системе является его величество барыш. Если спасение агента даст крупный выигрыш – политический, экономический, идеологический, любой, – его станут спасать. Если же не даст... и спасать нет резона.

Коллеги надолго замолчали, попивая мелкими глотками крепкий кофе, размышляя. Атташе вдруг оживился и отодвинул чашечку:

– Я профан в этом. Скажите, Майкл, а нынче сталинит имеет какое-то значение?

– Еще бы! Огромное! Ведь сталинит – это не только броня. Это и важнейший компонент для производства сплавов. Но единственное месторождение сталинита в Союзе уже почти исчерпано. Сейчас советские ученые усиленно ищут заменитель сталинита.

Атташе восхитился:

– Даже так?! Прекрасно! Значит, надо немедленно требовать диверсии по добыче документов с «Флинка», мотивируя это не столько необходимостью вашего спасения, сколь тем, что иначе Советы получают второе месторождение сталинита! Понимаете, Майкл?

Федотов даже как-то обмяк. Утер проступившую на лбу испарину, выдохнул облегченно:

– Ну, дружище, этого я по гроб не забуду!

В это же время в кабинете одного из Управлений КГБ вели деловую беседу двое сотрудников. Хозяин кабинета имел вид ученого, каковым, собственно, и являлся. Собеседником был капитан первого ранга Запорожец. Возраст его соответствовал званию, но высокий рост, светлые волосы и спортивная фигура делали его моложе. Энергичные черты лица говорили о волевом характере, серые внимательные глаза – об уме, а ровный постоянный загар – о том, что засиживаться в кабинетах ему не свойственно. Ученый имел звание полковника, но, как обычно, был в ладном штатском костюме.

Кабинет более походил на домашний, нежели на служебный. Сидя в креслах возле чайного столика с самоваром на подносе, офицеры беседовали свободно и просто.

– То, что зарубежная пресса, – рассуждал полковник, – особенно всякие радиоголоса, нагло извращают нашу действительность – естественно. Это их плесневелый хлеб. Интересно другое: какие источники питают их?

Моряк набивал трубку. Темного дерева «люлька» изображала голову хитро улыбающегося казака-запорожца. Уминая в ней тонкую лапшу табака, моряк ответил:

– Частично – наши официальные сообщения, особенно критические материалы. Личные наблюдения некоторых ретивых интуристов и корреспондентов. Злопыхательские высказывания наших невозвращенцев. Ну, еще – разглагольствования отдельных дураков-критиканов из числа наших туристов, командированных и моряков за границей. Таких там ловко на крючок поддевают.

– Умеют, – согласился полковник. – Еще?

– Допускаете агентурную информацию? Сомневаюсь. В наше время антисоветский шпионаж вообще дело трудное, рисковое и малоэффективное. И те крохи, какие удастся заполучить иностранным разведкам, достаются им такой ценой, что невольно задумаешься об овчинке и ее выделке.

– Это так, – согласился опять полковник.

– Эрго: какая же разведка станет такую драгоценность передавать какому-то «голосу» для его никчемной радиотрепотни? Глупо. Вы мне позволите? – спросил моряк, показывая трубку.

– Ради бога, – охотно разрешил полковник. – Я даже люблю запах табака. Особенно хорошего. Значит, вы полагаете – не станет? Все мы так думали. А оказалось иначе, – он взял с письменного стола объемистое досье. – Вот. Здесь у меня собраны всевозможные наши публикации. А тут, – взял он другой том, – все стенограммы всяческой антисоветской пропаганды. И что же? Изучив их, систематизировав и сопоставив, я заявляю: какая-то, пусть совсем незначительная часть этой антисоветчины построена на таких данных, каких ни в наших официальных публикациях, ни в частных материалах информаторов-дилетантов, ни в болтовне простачков не было и не могло быть!

– Интересно, весьма интересно.

– Да-с, любопытно. Особенно если учесть, что эти разведданные касаются именно морского ведомства.

– Даже так? Некоторая утечка информации морского характера нами, правда, тоже выявлена, и не вчера. Но... Слышим звон, да не знаем, откуда он.

– Классический камень преткновения всех контрразведок! Однако, проштудировав все это, – полковник похлопал по папкам, – я подумал: а что, если не по каналу идти к источнику, а выходить прямо на источник, минуя все подступы? Комбинация проста. Определяем список наиболее вероятных источников. Это нетрудно, и их немного. Второе. В каждый из них направляем отдельную, специально только для него подготовленную дезинформацию...

– Все ясно, Олег Сергеевич. Думали уже. Ну и что? Какая-то из этих дез попадет вскоре в какую-либо из зарубежных разведок и затаится там за семью замками. И все! А мы останемся в прежнем неведении.

– Так это, голубчик Дмитрий Васильевич, какая деза. Вы, вероятно, предполагали значительную, свежую, емкую – чтобы на нее непременно клюнул противник. Так?.. А если сделать другой расчет – психологический? Если сработать такую дезинформацию, чтобы она, сохраняя привлекательность, не представляла бы ценности для разведцентра, но была бы жемчужиной именно для идеологической пропаганды?

– А что? Это вариант! Надо попробовать! – загорелся моряк.

– Я почти уверен: такую дезу разведчики обязательно передадут какому-нибудь «голосу», газете или журнальчику вроде «Посева». А я – смею заверить – я уж замечу это.

– И тогда, увидев, какая именно деза использована, мы сразу узнаем, из какого нашего учреждения она вышла.

– Что и требуется. А установить в нем уже конкретное лицо – не проблема.

Факел в море. Тревожная ночь

Уже за полночь большой спасатель «Абакан», флагман базы, снялся со швартовов и якоря, тихо пересек гавань и вышел в море. Ночь обещала продержаться спокойной и темной: небо сплошь затянуло низкой облачностью, на море – полный штиль.

Стоя по правому борту на мостике главного командного пункта корабля – ГКП, как его попросту называют, командир «Абакана» капитан третьего ранга Ладога оглянулся на проблесковый огонь маяка и негромко спросил:

– На румбе?

Из рубки ГКП рулевой тотчас ответил:

– На румбе триста четырнадцать.

– Право два. Курс триста шестнадцать.

– Есть право два... На румбе триста шестнадцать.

Из штурманской вышел старший помощник Ладоги – невысокий подвижный крепыш капитан-лейтенант Чумбадзе. Дружески блеснул улыбкой из-под черных подбритых усов.

– Иди-ка отдыхать, Иван Иванович, день-то нелегким был. Все наши учебные и рабочие планы – коту под хвост.

– Это нормально. Кому как не нам, спасателям, привыкать к внезапностям. А насчет отдохнуть – пожалуй.

Командир спустился по крутому трапу к себе в каюту.

Высчитав ход так, чтобы на место работы «Абакан» пришел к утру и команда спокойно выпалась, Чумбадзе велел вахтенному начальнику сбавить обороты машины, походил по мостику и устроился на своем излюбленном месте – между обвесом крыла и нактоузом³ пеленгатора...

Раскурив трубку, замполит капитан-лейтенант Венциус прошел на ют. Здесь у обреза⁴ сидели матросы подвахты, а с ними – огненно-рыжий главстаршина Шнейдер с «Труженика». На «Абакане» он временно замещал Сергея Сафонова, поощренного за разминирование отпуском в Ростов, к маме. Подыгрывая себе на гитаре, Шнейдер негромко пел:

*У причалов наш дом.
Корабли стали в ряд.
Темнотой, словно льдом,
Катер к стенке прижат.
Но поступит приказ,
В борт ударит волна...
Ждет тебя,
водолаз,
глубина...*

– Чудова писня. Аж за душу чипляет! – вздохнул кто-то.

– Хороша, только не ко времени, – сказал Венциус.

Только тут заметив замполита, матросы вскочили.

³ Нактоуз – деревянный шкафчик, на верхнем основании которого устанавливается судовой компас (мор.).

⁴ Обрез – днище железной бочки. Ставится в местах курения для окурков.

– Это я виноват, товарищ капитан-лейтенант. Извините, – признался Шнейдер, скомандовал. – Кончай курить. Отбой! – и первым шагнул в темноту: корабль шел по-боевому, без огней.

Полная противоположность Чумбадзе по характеру и темпераменту, Венциус отличался спокойствием и выдержкой. И потому, если на вспыльчивого старпома матросы иногда и обижались, то на замполита – никогда, хотя добреньким он не был и поблажек не давал. Он пошел еще, покурить, выбил в обрез золу из трубки. Поднялся, пошел на мостик. Легко взбежал по трапу:

– Что нового, Гвидо?

– А что у меня может быть нового? – отозвался Чумбадзе. – Все то же: там – норд, тут – зюйд, кругом море, а в нем – вода.

– Иди, чайку попей. Я велел заварить.

– В-ва! Спасибо, дорогой-заботливый, сейчас...

Чумбадзе выждал, пока вахтенный начальник скомандует поворот, задаст новый курс, и тогда уж спустился в кают-компанию.

Теперь «Абакан» шел у границы наших территориальных вод, параллельно берегу. Идти этим курсом, постепенно приближаясь к суше, предстояло до утра.

Но разве в море можно что-либо гарантировать загодя...

Вахта давно засекала, а теперь и Венциус время от времени следил по развертке лока-тора-репитера⁵ за сближением с каким-то судном. До пересечения их курсов оставалось еще изрядно. Но вот, держа к берегу, неизвестное судно пересекло курс «Абакана» – и Венциус успокоился. В общем-то, он и не беспокоился, но... море! Казалось бы, чего уж просторнее? А вот поди ж ты – ежедневно ллоиды регистрируют самые нелепые, зачастую трагические столкновения судов! Поэтому каждый офицер на мостике при сближении с другими судами всегда внутренне настораживается.

Какое-то время прошло тихо-спокойно...

Вдруг сверху – с поста сигнальщиков хрипловатый тенорок старшего доложил:

– Справа по носу, курсовой – двенадцать, дистанция – две с половиной мили: факел!

Что за чертовщина! Венциус с вахтенным офицером одновременно вскинули бинокли. Замполит долго не мог ничего углядеть, потом заметил: действительно, в глубине ночи мерцали красноватые, еще еле заметные вспышки огня. Молодцы сигнальщики, глазастые!

Вахтенный начальник взял пеленг, спокойно приказал:

– Право тринадцать. Курс – девяносто восемь. Сигнальщики! Наблюдать факел.

– Есть право тринадцать!.. Есть наблюдать!..

Застегивая на ходу китель, вернулся Чумбадзе. Замполит молча показал ему в ночь. Чумбадзе посмотрел в бинокль и все понял, прежде чем вахтенный начальник успел доложить ему. Сказал вахтенному:

– Дайте «самый полный» обеим машинам.

Тот передернул рукоятки машинного телеграфа: мелко задрожав, «Абакан» мощно рванул вперед, взбив штевнем седые усы пены. Рывка этого оказалось достаточно, чтобы чуткий командир проснулся и тоже поднялся на мостик.

– Что такое, куда мы помчались?

– Товарищ командир, замечен, вероятно, пожар на судне, – доложил вахтенный начальник. – Сейчас рассмотрим.

Вскоре уже ясно стали видны взметы пламени на неизвестном судне.

Темпераментный Чумбадзе метнулся в радиорубку, рванул дверь:

– Почему не доложили SOS?

⁵ Локатор-репитер – локатор, дублирующий показания главного локатора.

– Сигнала бедствия не было, товарищ старпом.

– Не может этого быть! Ушами хлопаєте, спите на вахте! Ладно, после поговорим! – угрожающе пообещал он.

По международному закону каждые полчаса – в «минуты молчания» – все морские радиостанции работают только на прием, вслушиваясь, не просит ли кто помощи. Горящее судно, конечно же, вызвало.

– Играйте тревогу, лейтенант, – приказал Ладога вахтенному начальнику.

«Др-дррр! Др-дррр! Др-дррр!...» – по всему кораблю зашлись дробью электроколокола громкого боя. Матросы, старшины, офицеры взметнулись с коек. Через несколько секунд на ГКП посыпались доклады о готовности боевых частей.

– Командир АСП, на мостик! – приказал по трансляции Ладога.

Тотчас командир аварийно-спасательной партии старший лейтенант Серебров предстал перед начальством...

Горящее судно оказалось иностранным небольшим старым «купцом». На корме и грязно-черном носу его белело претенциозное имя «Sirena». Пока что на судне явно горела лишь надстройка. Горела буйно. Но удивило спасателей другое: «Сирена» стояла на воде без хода и была уже покинута командой!

– Тоже мне, моряки. Подонки! Удрали, даже не попытавшись спасти судно, – презрительно процедил Чумбадзе.

– Да уж, – согласился Серебров. – А на судне и сейчас еще вполне можно работать.

– Конечно. С какого борта подходить, командир? – спросил Чумбадзе.

– Подожди с подходом, не суетись, – ответил Ладога, вглядываясь. – Что-то не нравится мне эта картина. Поспешное бегство команды при пожаре на судне – первый признак взрывоопасного груза.

– Так оно же не в грузу!

Действительно: грузовая ватерлиния на корпусе и марки углубления показывали, что судно шло в балласте.

– То-то и оно. Мощной взрывчатке большого тоннажа и не надо.

Из тьмы к «Абакану» подлетел военный катер погранохраны. Заглушив моторы, плюхнулся носом на воду и по инерции подошел к спасателю. Знакомый абаканцам командир катера – молодой, веселый, – громко объявил по мегафону:

– Привет братьям-спасателям! Грееетесь? Попрошу капитана третьего ранга Ладогу.

– Слушаю вас, Зиновьев, – отозвался тот, выйдя на крыло.

– Здравия желаю! Поиск людей с бедствующего судна нами уже открыт.

– Добро, Зиновьев, спасибо. Желаем удачи!

– Взаимно!

Поодаль во тьме перемигнулись другие катера. Взревев моторами, катер Зиновьева тоже умчался.

Повременив, Ладога решил:

– Рискнем. Действуйте, Серебров.

Защитив себя жемчужным каскадом распыляемой воды, – на синем бархате ночи да еще в багровых бликах пожара это выглядело феерически! – спасатель подошел к «Сирене» и ударил по огню тугими струями из всех лафетных стволов. Командуя, Серебров то разводил эти струи, то сводил в одну цель – и тогда могучий напор их крушил переборки, вышибал двери, отрывал и швырял за борт горящие обвесы, мебель, рундуки...

Огонь стихал. Горящее судно окуталось дымом и паром. Стало темно, прохладно, запахло угаром.

– Врубить прожектора! – приказал Серебров. Доложил Ладоге. – Товарищ командир, пожар притушен, обстановка позволяет – разрешите высадить десант?

Ладога медлил. Кто его знает: высадишь – а тут как раз и рванет!.. И выйдет – послал людей на верную смерть.

Серебров ждал. Офицеры молчали. И тут с «Сирены» донесся слабый протяжный крик. Здесь, конечно, уже прочь все опасения.

– Добро, высаживайте. И поживее!

Первым на борт «Сирены» перебрался сам Серебров. Произведя наружную рекогносцировку, подал знак – за ним последовали в термостойких костюмах, волоча за собой воздухопроводные шланги и сигнальные концы, Шнейдер и Сыроежка. И замыкающими – старшина Шлунок и Скултэ.

Тут произошла маленькая заминка. Шлунок умудрился сорваться с борта – его подняли из воды обратно на «Абакан» и быстро заменили старшим матросом Изотовым.

Задачи парам были поставлены разные. Шнейдеру с Сыроежкой – найти и ликвидировать главный очаг пожара. Местами палуба уже прогорела. Рискую провалиться или запутаться шлангами в хаосе разрушений, парни пробирались по задымленной, тлеющей руине жилой палубы, обследуя залитые водой по самые комингсы помещения. Пожар начался с провизионки, где хранились вина, ром, спирт и прочее. Вероятно, тут что-то случайно подожгли – трусили и удрали. От огня лопнули бутылки со спиртом, спирт рванул – и пошло!.. И сейчас еще пузырилась, как раскаленная магма, смесь масла, спирта, сахара, рома и водок. Главстаршина с матросом приняли с «Абакана» пенный ствол, заполнили провизионку углекислотной пеной и тем надежно ликвидировали очаг пожара.

Изотов и Скултэ первым делом поспешили на поиск гибнущего. Это далось им весьма непросто, однако нашли. Обреченным на гибель оказался молодой симпатяга-пес – мокрый, грязный, с опаленным боком.

– Эх ты, бедолага, – пожалел его Изотов. – Бросил тебя хозяин на погибель, предал, мерзавец!..

Пес, дрожа и жалобно скуля, благодарно лизал резиновые маски спасителей.

Серебров дал сигнал – и уже вся аварийно-спасательная партия, вооруженная табельными приборами и инструментами, перешла с «Абакана» на борт «Сирены». А еще через полчаса командир АСП доложил Чумбадзе о результатах первичного осмотра и состоянии спасенного судна.

Тем временем катера погранохраны нашли одну шлюпку с моряками «Сирены», затем – на большом курсовом расхождении – вторую. А третья... Третья, вместо того чтобы держать курс на «большую морскую дорогу», где ее скорее бы заметили, пошла, как оказалось, к берегу...

Берег был уже совсем близок, но не виден – ночь. В шлюпке все оказались из начсостава «Сирены»: помощник капитана, второй электрик, механик, боцман... Правда, как гребцы эти люди не утруждались, шлюпка имела подвесной мотор. Пассажирами на носу шлюпки сидели двое мужчин в диверсионных легководолазных гидрокостюмах «Ихтиандр». На коленях они держали объемистые прорезиненные сумки с каким-то припасом. Потерпевшие бедствие отнюдь не были удручены происшедшим, держались спокойно и деловито.

– Пора, – решил помкапитана. Заглушил мотор, скомандовал гребцам. – Весла на воду! – кивнул боцману. – Давай!

Боцман пальнул в небо красной ракетой.

– Держите по курсу двести восемь – и выйдете аккурат на хорошее место. Там будет удобно и ориентироваться, и выйти: участок берега каменистый, следов не останется, – сказал помкапитана молчаливым таинственным пассажиром. – Давай еще, боцман.

Боцман пустил еще ракету. Все притихли, прислушиваясь. Вскоре из ночной тиши донесся шмелиный гул еще далекого катера.

– Идут... Ну, с богом! Курс точно двести восемь! Ни пуха вам ни пера.

– К дьяволу, – буркнул диверсант помоложе, натягивая маску.

Оба перевалились через борт, взяли по наручным компасам курс и скрылись в воде.

– Еще ракету! Две! – велел помкапитана. – А теперь – навались, да так, чтобы по-настоящему взмокнуть-взопреть! И – раз!.. И – два!..

Повел шлюпку хитро: не обратно в море, а почти параллельно берегу. На ходу завернул в карту гаечный ключ – отправил за борт. Следом ушли шлюпочный компас и подвесной мотор.

Шмелиный гул постепенно превращался в рев. Он приблизился и оборвался. Совсем близко вспыхнул прожектор и слепящим голубым потоком захлестнул шлюпку.

– Пограничный дозор. Кто такие, откуда? – спросили из тьмы и повторили вопрос по-английски.

– Моряки с потерпевшего бедствие сухогруза «Сирена», – ответил помкапитана и поименно назвал спутников. – Где мы находимся, господин офицер? У нас ни карты, ни компаса...

Рассвет медленно выявлял понурую, грязную, закопченную и изувеченную пожаром «Сирену». Рядом с ней мощный крепыш «Абакан» выглядел даже элегантно-чистым и аккуратным. С берега радиовали, что за «Сиреной» уже выслан морской буксир. Пока ее команда разместилась в салоне команды «Абакана», а капитан – в каюте Чумбадзе.

Едва на горизонте зарделось солнце, возле спасателя и спасенной «Сирены» приводнился гидроплан с экстренной комиссией. Совещание ее проходило в кают-компании. Понимая, что люди были подняты среди ночи с постелей, Ладога распорядился тотчас подать туда свежий чай, бутерброды и консервы.

– Итак, люди все в целости и наличии, – констатировал морской офицер-пограничник, сверив найденную на «Сирене» судовую роль с рапортами командиров катеров, разыскавших в море три шлюпки с ее командой.

– С людьми и документами вроде бы все в порядке, – согласился помначштаба базы. – С судном тоже...

По международным законам судно, почему-либо брошенное в море капитаном и командой, становится трофеем того, кто его спасет. С позиции правовой данный случай являлся бесспорным. А вот кое-какие частности вызвали некоторое недоумение комиссии.

Например. Следуя из Окерсберга в Киль, прихватив попутный груз какой-то фирмы, чего ради «Сирена», вместо того чтобы идти обычной большой дорогой Балтики, свернула в наши территориальные воды?

Или. Судя по документам, «Сирена» в Окерсберге взяла у некоей частной фирмы попутный фрахт, а на поверку никакого груза в трюмах судна и духу не было! Куда же он делся?

Капитан «Сирены» ответил на этот вопрос удрученно: чего, мол, тут о грузе толковать, когда теперь все судно ваше!..

Упоминание об этом на совещании комиссии вызвало общую улыбку.

– Удручаться ни ему, ни хозяину нечего, – пробасил инженер-капитан первого ранга. – Судно – старое корыто еще довоенной постройки. Корпус – ни к черту, двигатель – рухлядь... Как его еще выпускали в море! Трофей, прямо скажем, незавидный. На металлолом разве что сгодится...

Загадку с грузом прояснил представитель Регистра:

– Вы, товарищи, народ военный и потому просто не знаете некоторых тонкостей морского торгового бизнеса. Эта «Сирена» – собственность частной транспортной фирмы, то есть капиталиста. Безусловно, давно и выгодно застрахована в одном из ллойдов. Посудина старая, дрянная, отремонтировать ее – выгоднее утопить. Но алчному владельцу одной страховки мало, хочется урвать кусок пожирнее. А как? Делается это гениально просто. По личной договоренности в каком-либо порту берется фрахт на перевозку какого-либо ценного груза. Оформляется по всем правилам. Груз остается у грузовладельца – вместе с определенной мздой, разуме-

ется, – а судно якобы с грузом выходит в море, «терпит аварию» и благополучно тонет. И ллойд выплачивает владельцу судна страховку да еще стоимость груза. Все законно, все довольны!

– В этом, кстати, и объяснение местонахождения «Сирены», – дополнил от себя пограничный комиссар. – По роковой случайности могло стать, что именно в момент пожара и гибели «Сирены» на «большой морской дороге», как назло, не окажется поблизости никаких других судов. Бывает так. Значит, «Сирена» может погибнуть без свидетелей – и поди доказывай ллоиду ее гибель! Дело рискованное. А наши воды патрулируются кораблями погранохраны, они-то уж непременно обнаружат даже не горящее судно. Но пока пограничники сообщат, пока на берегу решат, пока выйдет и придет спасатель – «Сирена» великолепно сгорит и потонет. Судно утонет, а свидетельство останется. А свидетельство СССР авторитетно во всех ллойдах! Так все аккуратненько и рассчитали. Но бог шельму метит: едва жулики подожгли «Сирену» и покинули, тут как тут оказался «Абакан»! И что теперь будет с владельцем «Сирены», когда он узнает, какую свинью ему подложил наш дорогой Ладога, – страшно подумать!

Члены комиссии дружно рассмеялись. Все стало на свои места, все нашло свое объяснение. Лишь один нюанс остался неизвестным комиссии: то, что в порту «погрузки» капитан с помощником тайно приняли на борт «Сирены» еще двух мужчин, не вписанных в судовую роль...

В кают-компанию Ладоге позвонили с мостика. Выслушав, Ладога ответил: «Добро». Затем сообщил председателю комиссии:

– Буксир на подходе, товарищ капитан первого ранга.

– Очень хорошо. Передайте ему «Сирену», ее людей, а сами отправляйтесь на свою работу. Мы тоже отбываем сейчас.

– Есть! – обрадовался Ладога: из-за этого происшествия он и так потерял уйму дорогого времени.

На точку разведки «Абакан» пришел уже к полудню. Мутнел серый день, близкий берег прятался в тумане. Едва подгребая винтами, «Абакан» полз вдоль берега, пока не приблизился к свайному домику гидрологического поста № 17. Застопорил машину.

– Отдать правый! Пятьдесят метров на клюз! – дал команду на бак вахтенный офицер.

Боцман Трофимыч отпустил стопора лебедки, и якорная цепь весело загрохотала в чугунной ноздре-клюзе корабля...

К обеду слегка распогодилось.

Первыми на разведку топляка⁶ пошли асы и ветераны соединения – флагманский специалист водолазной службы капитан третьего ранга Тутаринов и мичман Журбенко. Глубина здесь всего метров пятнадцать, стало быть, до верхней линии топляка и того меньше.

Важное преимущество малых глубин – простота спуска-подъема водолазов. На больших глубинах водолаз работает полчаса, а то и меньше, а поднимают его часами, подолгу выдерживая на «ступеньках». Иначе – азотное вскипание крови и смерть, если рядом нет декомпрессионной камеры.

На «Абакане» она, конечно, была. Металлический цилиндр ее с двумя узкими койками, аптечкой, телефоном и даже библиотечкой, с герметической дверцей, смотровыми иллюминаторами и прочим оснащением был намертво принайтвлен поперек палубы возле огромной буксирной лебедки. Однажды экстренно «выдернутый» с глубины мичман Голодов провел в этой камере – на пару с фельдшером – почти сутки. Ничего, обошлось. Даже с пользой: Голодов наконец одолел «Братьев Карамазовых».

Прежде всего водолазам предстояло найти сам топляк. Сегодня это было особенно непросто – видимость никудышная: метрах в пяти-семи от водолаза – сплошная муть.

⁶ Топляк – речники называют так полузатонувшие бревна, моряки – затонувшие корабли (*жарг.*).

Придя на грунт, Тутаринов с Журбенко сориентировались, разделились и пошли на поиск. Назвать это поиском в прямом смысле едва ли можно. Приходилось действовать по интуиции. Минимальная прозрачность сделала свое дело, и первые шаги ничего не дали.

Но вот наверху открылось солнце, туманная дымка сгинула – и видимость на грунте сразу улучшилась. Вскоре Журбенко радостно объявил:

– Ага, ось, навить, вин!.. Пэвно – топляк! Та який гарнесенький... Ходить сюды, товарищ кап-три... Сообщаю командиру: корабль найден, стоит на ровном киле с небольшим креном на правый борт... А ну, хлопцы, вирайте менэ помалу... Стоп, добре... Сообщаю: нахожусь, вероятно, на полубаке... Иду... Точно: вышел к брашпилю. Занесло все на палубе... Майнайте мне по сигналу конец буйрепа... Есть, принял... Сообщаю: носовой буй прикреплен...

Тутаринов поднялся на ют и обозначил бум корму затонувшего корабля. Теперь, ориентируясь на поплавки-буи, «Абакан» мог сразу точно становиться «на точку».

– Добро. Хватит, выходите, – распорядился Ладога. – Обедать пора.

Поговорив с Тутариновым и Журбенко, Ладога связался по радио с командиром Кононовым:

– Нашли, товарищ командир. Да, только что, перед обедом. Долгонько искать пришлось, видимости не было... На первый взгляд – топляк, несомненно, военного времени, стоит почти на ровном киле, в грунт не засосан, но сверху занесен песком изрядно... Нет, видимо, какое-то небольшое патрульное судно или сторожевик, пока трудно сказать... Вооружен довольно сильно для него. Нет, поднимать, пожалуй, нет резона. Порежем, сдадим на металлолом... Конечно, отмоем, посмотрим еще...

После адмиральского часа второй парой на грунт пошли командиры водолазных отделений Шнейдер и Шлунок. Пока они осматривали корпус топляка, с берега, где в зелени лесопарка мрамором сияло здание санатория «Белый камень», задул ветер и, окрепнув, развел на море волну балла на три. Вообще-то на глубину волнение не проникает и работе водолазов не мешает. Но на малой глубине все же чувствуется, а главное – раскачивает наверху корабль, и тот дергает шланги водолазов.

Не доверяя прогнозу, Ладога сам осмотрел небо, «потрогал» ветер, вздохнул и приказал сворачивать работу. К ночи «Абакан» вернулся на базу.

Немногим раньше вернулся к себе в Балтиморск и майор госбезопасности Рязанов. Как член экстренной комиссии, он вместе с другими офицерами подписал все акты спасения «Сирены» и ее моряков. Подписал без колебаний, но, возвратясь на берег, все же «мобилизовал» у пограничников двух лучших следопытов и вместе с ними лично проверил многие километры природной КСП⁷, – совершенно пустынного здесь дикого пляжа. Никакого намека на след вышедшего из воды нарушителя найдено не было. Чекист мог спать спокойно. Мог, но не спал. И не потому, что ныли ноги, отвыкшие от таких переходов, – не давало беспокойство, вызванное всей этой историей, смутное, аморфное.

Лишь засыпающему уже Рязанову припомнился помощник капитана «Сирены» – и аморфное беспокойство сразу выкристаллизовалось: как это могло стать, чтобы помкапитана – штурман – вдруг забыл взять в шлюпку компас и карту?!

Сомнение определилось, но осталось лишь сомнением. А оно, увы, не основание для официального допроса. Тем более иностранца. Но ни малейших фактов и улик у чекистов не имелось...

...Аквалангисты, конечно, не попали сразу на узкую каменистую полосу, пересекающую берег. Пришлось немало побродить по колену в воде, пока не углядели спины выступающих из воды валунов. Это были очень напряженные минуты: нарушители знали, что, получив изве-

⁷ КСП – контрольно-следовая полоса.

щение о ЧП в море, береговые пограничники тотчас выступят на усиленную охрану. Так что тут каждая секунда могла оказаться роковой.

Наконец, переступая с камня на камень, они вышли на травянистый берег. Рассвет застал их уже далеко от моря. А к полудню напарники добрались до живописного курортного городка Сосногорска. Встретить тут хабаровчанина, мурманчанина, алмаатинца или киевлянина было проще, чем местного жителя. Поэтому появление здесь еще двух курортников никак не могло привлечь чье-либо внимание. Закопав в сосновом бору свои мешки, напарники налегке вошли в город...

Прежде они мало знали друг друга. Оба состояли в ГОР – группе особого резерва генерала Z, что сразу указывало на их высокое положение в некоей разведывательной «фирме»; но были специалистами разного профиля и квалификации. Старший по возрасту Пауль – мастер еще гестаповской школы. Латыш по национальности Оскар – диверсант уже послевоенной выучки. Оба, конечно, хорошо знали русский язык, Россию, и оба прекрасно дополняли друг друга, являя оптимальное для данного задания исполнительское целое.

Третьим был сам Федотов. А дабы троица не перегрызлась между собой, хитрый лис Z ограничил их осведомленность и функции. Федотову поручил финансировать оперативные расходы и всячески содействовать агентам. Паулю – обеспечивать организационно диверсию. Ему же были доверены пароль и явка к Федотову, а Оскару – информация о документах с затонувшего корабля и непосредственное исполнение диверсии. Таким образом, дружная работа троицы была гарантирована.

Паулю было за пятьдесят, но сил, подвижности и мастерства он не потерял. Округлое лицо его с мягкими чертами казалось простоватым и добродушным. Хорошее лицо, неброское – удобное для агента.

Оставив напарника на бульваре, он вошел в курортное посредбюро, реклама которого сулила уйму всяческих услуг, и вскоре вышел уже с листком в руке. Оглянулся по сторонам.

– Я здесь, Павел Иванович, – объявился Оскар, выступив из тени каштана.

Пауль махнул: пошли!..

В дома они зря не заходили: присматривались с улицы, оценивали и – шли дальше. Наконец вернулись к маленькому одноэтажному домику в глубине довольно обширного сада.

– Ступайте разведайте, – сказал Пауль. – Кажется, это то, что надо. Только не вздумайте отдать на прописку свою липу.

– Опасаетесь выборки?

– Даже не выборки, а сплошной проверки. После ночного ЧП проверить на всякий случай всех прибывших сюда сегодня – дело отнюдь не глупое, а потому вполне вероятное. Так что остерегитесь.

– Да? А я, представьте, просто жаждал получить прописку в санатории с решетками! – Оскар усмехнулся и вошел в калитку.

Пауль пристально посмотрел ему в след. Нет, каков! И откуда у них, у нынешних, эта манера разговаривать со старшими таким ерническим тоном?.. Ладно, черт с ними, с манерами, был бы напарником хорошим. А он хорош, говорили, смел, умен, находчив и везуч. А удачливость – бесценное качество! Недаром даже Наполеон, назначая командующих, интересовался всегда, удачлив ли этот генерал?..

Пристанище Оскару понравилось. Однокомнатная квартира-домик имела застекленную верандочку с диваном, столиком и еще выходом прямо в садик. Эту-то верандочку и сдавала курортникам одинокая пожилая хозяйка. Поторговавшись для блезира, Оскар снял веранду, заплатил вперед, но паспорт свой лишь показал и отправился с ним «на почту за переводом».

Прогулочным шагом напарники шли к вокзалу. День разгулялся, хвойный сосновый озон в смеси с морским делал воздух чудесным. После высадки и ночного марш-броска к Сосногорску путники сейчас действительно отдыхали. Но – только физически. Оскар зло сетовал:

– Черт бы побрал эти сложности! Тут каждый день на вес золота, так еще эта канитель...

– Все правильно, – возразил Пауль. – Ведь все побережье – погранзона. И не какая-нибудь, а советская! Иметь надежные документы, их подстраховку на всякий случай и точную ориентировку в обстановке нам просто необходимо.

– Да понимаю, понимаю, – Оскар сладко потянулся, взбодрился. – А хороша погодка! И местность тут... Чего вы хмуры, как сыч?

– Да так. Высадка удалась на редкость, проход тоже, дачку сняли отличную запросто... Меня всегда гнетет и тревожит, когда дело начинается так гладко.

– Сплюньте, – всерьез предложил Оскар. – Кстати, я не уверен, что нам надо здесь базироваться. Смотрите... – остановился, ткнул носком туфли три точки в дорожной пыли. – Сосногорск, Балтиморск, санаторий «Белый камень». Так?.. – соединил точки линиями. – Равносторонний треугольник. Добираться до санатория из Балтиморска и удобнее электричкой, которой отсюда до санатория нет, и безопаснее в массе пассажиров. А Балтиморск все равно станет нашим главным опорным пунктом: город!

– Так-то так, но Сосногорск курорт – полно приезжих. А в Балтиморске... Ладно, подумаем. А сейчас возвращайтесь на дачу и тихо сидите тут. Я в столице долго не задержусь.

– Надо думать. Пламенный привет от меня симпатяге Марсу.

– Вы его знаете? – мрачно насторожился Пауль.

– Я знаю, что крупно заработаю на нем – потому он мне уже симпатичен!

Внезапные встречи и разлуки

Плотно пообедав в курортном ресторане, Оскар прошелся по бульвару, купил свежих газет и журналов и вернулся на дачу. Там уютно устроился на диване, но, не прочтя и одной газеты, крепко уснул. Предыдущие сутки были все же очень изматывающими, и Оскар проспал до утра.

Утром еще раз «сходил на почту», позавтракал и вернулся возмущенным: телеграф переврал его фамилию, и теперь до уточнения ее денег ему не выдают! Паспорт остался, конечно, опять в кармане.

Полдня провел на пляже: и приятно, и безопасно. Пофлиртовал с какой-то стройной и смазливой девицей, но в меру: завязывать знакомства не стал и даже ушел не попрощавшись, когда она купалась.

Посидел, пообедал в ресторане, прошелся, купил газеты и пошел на дачу, через сад прямо на свою веранду. Вошел – и притих: в кухне хозяйка с кем-то разговаривала. Оскар осторожно глянул в щелку меж занавесок на застекленной двери: за столом чаевничал со старушкой немолодой капитан милиции – завтрашний пенсионер.

– Не откажусь, спасибо, – сказал он, подставляя чашку. – Хотя я, так сказать, и при исполнении...

– Да когда же, батюшка, вы не при исполнении-то? Днем при исполнении, ночью обратно при исполнении. Этак и вовсе отошпашеешь.

Капитан вздохнул, деликатно беря варенье:

– Участок у меня такой, частного сектору много. А где частный – там и непорядок. Вот и вы даже, Пелагея Васильевна, не в обиду сочтите. Нарушаете. Ну, как же это: дачника приняли, а не прописывают! Некрасиво.

Оскар тихонько ретировался в сад. Перемахнул через штaketник, выждал в переулке, когда уйдет участковый, деловито вошел в дом с улицы, решительный и огорченный.

– Пелагея Васильевна, голубушка, не знаете, когда вечером самолет на Ленинград?

– И-и, милай, нашел кого спросить! А пошто вам?

– Лететь надо, – меняя рубаху, ответил дачник. – Сейчас домой звонил насчет перевода. Соседка сказала – у жены приступ сердечный был, «скорая» увезла!

– Батюшки светы! И что за напасть: народ такой бессердечный пошел, у каждого, почитай, сердце! Беда! А как же...

– Не беспокойтесь, хозяйюшка, деньги остаются вашими, веранда – моей. Я денька через два вернусь. Может, с женой даже, если ей разрешат.

– Дай-то бог!

Вечерело, в электричке на Балтиморск было многолюдно. Оскар неторопливо пошел по вагонам. Некоторые пассажирки задерживали на нем взгляд: высокий мускулистый шатен был красив и выглядел моложе своих сорока.

– Алексей Алексеевич! – неожиданно окликнули его. Это была пляжная знакомая. – Идите, сюда, садитесь.

Отказываться не было причин. Оскар вернулся, подсел. Припомнил: зовут ее Алисой.

...Тихий и теплый вечер застал их на открытой площадке летнего ресторана на самом берегу Серебряного озера почти в центре Балтиморска. Алексей не мелочился – ужин получился почти изысканным. Закончив его, они не спеша направились к гостинице «Москва».

– Нет, Алиса, я все-таки не понимаю: как вы могли бросить театр? Театр!

– Пришлось. Чтобы чуточку выдвинуться, молодой актрисе без диплома нужно стать угодной главрежу либо начальству повыше. А я так не могу и не желаю. Помыкалась и ушла.

В скверике возле гостиницы Оскар попросил спутницу подождать, а сам пошел оформить номер. Алиса присела на скамью и задумалась. Из вспомогательного состава местного муздрамтеатра ее просто выперли за бездарность. По той же причине не взяли ни во ВГИК, ни в одну из театральных студий столицы. Но это не остудило ее рьяной мечты стать звездой экрана и сцены. И вот – такая встреча! Ведь Алексей Алексеевич режиссер-постановщик! Одно его слово – и она в фильме! Мыслимо ли упустить такую возможность?

Тем временем Оскар постоял за углом, обдумывая встречу и знакомство с Алисой, бросил окурочек и вернулся к ней, злой и возмущенный:

– Не задержал? Простите... Ну и порядочки здесь! Утром прилетел – номер еще занят. Ладно, оставил чемодан, ушел на море. Сейчас прихожу – администратор сменился и забыл передать мою бронь! Номера нет. Мне надо сценарий дорабатывать, принимать людей...

У Алисы застучало сердце. Это был ее шанс.

– Алекс... Только поймите меня, пожалуйста, правильно. Мама на лето уехала к сестре в Пятигорск подлечиться, папа – в море, вернется еще не скоро. У нас вы никого не стесните и вам никто не будет мешать. А живем мы вон, совсем рядышком...

Выйдя из вагона на перрон, Сергей поволок чемодан в камеру хранения. Гостинцев мама наготовила на весь «Абакан».

– Товарищ главстаршина!..

Сергей еще не привык: его и Чурикова только-только произвели в главных старшин. Оглянувшись: патруль! Подошел, представился, предъявил документы. Офицер посмотрел, улыбнулся:

– А-а, Сафонов! Вот вы какой. Приятно встретить. И куда же путь держите в столь поздний час, позвольте все же узнать?

– Домой. К дяде то есть: у меня тут дядя живет и служит. Капитан госбезопасности Сысоев...

– Вот как. Ну, добро. У вас еще целые сутки – счастливо погостить! – пожелал, вернув документы. – Пойдите! Вы сегодняшнюю газету нашу читали? Держите...

Подойдя к дому, поднял взгляд и удивился: окна дядькиной квартиры поблескивали черным лаком. Обычно два светились допоздна: дядя читал или занимался, будучи заочником Высшей школы. Сергей взбежал на третий этаж, позвонил... Еще разок... Открылась соседская дверь, и на пороге появился сослуживец дядьки.

– Сергей? С приездом! А Сысоевых нет...

Оказалось, болезненную вообще бабушку Ксению опять крепко прихватило, и дядя Шура срочно повез ее в окружной госпиталь. А ключ Сергею впопыхах забыл оставить.

– Да он утром вернется уже. А ты у нас ночуй.

– Нет, нет, спасибо. Я тут... в спортроде устроюсь, – отказался Сергей, черкнул дяде записку и ушел.

«Что же делать? В гостиницу обращаться бесполезно. В спортроде его знают, конечно, как самбиста-разрядника, но кто ж туда является ночью! Придется побродить до утра...»

Ночь встретил Сергей на скамье под каштаном на трамвайной остановке возле театра. Городские куранты громко пробили час. Сергей усмехнулся: ночь только началась, а привычка к распорядку уже властно клонила в сон.

...Откуда, как она подошла – Сергей не заметил. Видимо, задремал все же. Увидел, когда незнакомка уже остановилась перед ним – невысокая, грациозная, с точеной талией и высокой грудью.

– Не скажете, трамвая давно не было? Туда, – махнула она сумочкой на длинном ремешке.

– Давно уже. Оттуда прошли недавно. Последние, надо полагать.

– Да?.. – она посмотрела на Сергея большими подведенными совершенно изумрудными, но какими-то незрячими глазами: посмотрела, будто и не увидев его. Повернулась и медленно, понуро пошла дальше.

Неожиданно для самого себя, Сергей вдруг поднялся, нагнал ее:

– Извините... Вам будет страшновато одной идти, разрешите, я провожу? Мне все равно делать нечего, – смутившись, неуклюже оправдался он.

Она спокойно рассмотрела моряка, невесело усмехнулась чему-то и молча сама взяла его под руку.

За всю неблизкую дорогу они не обменялись и десятком фраз. Сергей, правда, пытался заговорить, но девушка не поддержала беседы.

Миновав «Гастроном», охраняемый немолодой толстухой, они вскоре свернули во двор темно-кирпичного дома. Собственно, от дома авиабомба оставила лишь фасадную стену. Но одноэтажный флигелек с мезонином в глубине двора-сада уцелел. Взойдя на его крыльцо, девушка приоткрыла дверь, прислушалась. Сергей мешкал в нерешительности: попросить ее о свидании или так уйти? Он медлил. Девушка смотрела на него с той же спокойной непонятной полуулыбкой. Открыв дверь, подтолкнула его, шепнув:

– Тихо только: соседи!..

На цыпочках они поднялись в мезонин. В тесной прихожей сгрудилось все: умывальник, плитка, дверь в кладовку, еще одна... Далее шла комната – невысокая, продолговатая, со скошенным по краям потолком и полукруглым окошком в торце. Обставленная просто, даже бедно, комнатка тем не менее была очень уютной.

– Ну, чего потолок подпираешь? Садись. Ты что, в самоволке? – грубовато спросила она.

– Нет, у меня отпуск. Просто ночевать оказалось негде, понимаете... – брякнул Сергей и смутился.

Она опять усмехнулась:

– Понимаю, понимаю. Так что, служивый, поужинаем? Или так перебьемся?

Непонятная, не то злая, не то дружеская ирония прозвучала в этом «служивый». Сергей промолчал, неопределенно пожав плечами.

– Надо бы, – решила она. – Только у меня нет ничего такого...

– У меня тем более.

– Да ну? – насмешливо удивилась она. – И денег, конечно, тоже.

– Деньги-то как раз есть, да где сейчас...

– Где есть: тетя Даша не зря магазин сторожит! Давай... – взяла деньги, сумочку, кошкой выскользнула на лестницу.

Сергей нахмурился. Странная какая-то особа, двулика. То затаенно-грустная, но естественная и располагающая к себе. То вдруг нарочито циничная, вульгарная и тем неприятная. Кто же, какая она на самом деле?

Сергей оглядел комнату, но ничего четко характеризующего хозяйку не увидел. Явно только, что живет она небогато и одна: ничего мужского, детского, семейного в комнате нет.

Над колченогим письменным столиком нависала книжная полка. В детстве Сергей читать не любил, к книгам пристрастился уже в юношестве, а на службе и вовсе заболел. И тут, конечно, подошел, полюбопытствовал. Медицинские учебники, разрозненные томики Блока, Есенина, Цветаевой, кое-какая беллетристика... Перебирая книжки, наткнулся на застекленный фотопортрет молодого офицера-моряка. Хорош! Интересно, кто это? Отец? Муж? Брат?.. Ответа портрет не давал: ни надписи, ни даты на нем не было.

Так же тихо вернулась хозяйка с покупками.

– Открывай, – распорядилась, выложив на стол консервы.

Сергей положил на стол портрет, подошел к хозяйственному – вспорол резакон жесть банок.

Сели. Девушка, видимо, не ужинала – без промедлений положила гостю и себе щедро на тарелки, налила по трети стакана водки.

С водкой у Сергея были старые счеты. Как-то уже перед окончанием школы он однажды хлопнул стакан «Столичной». А потом... Это был такой срам, такое публичное позорище, что Сергей с месяц, наверное, стыдился выйти из дому и в глаза маме посмотреть! С тех пор зарекся! И сейчас отказался. А девушка уже выпила и посмотрела на моряка удивленно и насмешливо:

– Это почему же? Больной, что ли?

– Еще чего! Просто... Просто не пью. Вообще.

Замечательные глаза ее сузились и стали колючими.

– Ну как же! Конечно. Устав-батюшка не велит, и матушка-замполит не разрешает?!

– Это само собой, но... Я же водолаз – нам нельзя, – придумал он самое простое объяснение.

– А-а... Ну, извини, не знала. А вино можно?

Видя, что его нет, Сергей кивнул. И просчитался: девушка достала из шкафчика почти пустую бутылку, вылила остаток ему. На глоток набралось. Деваться было некуда.

– Давай хоть познакомимся: Сергей...

Девушка не назвалась, а молча пристально посмотрела на моряка. «Глаза, как у хозяйки Медной горы!» – любуясь, подумал Сергей и спросил:

– А тебя как?

Девушка отвела взгляд, невесело ответила:

– Не все ли равно? Ну – Лида... Со знакомством!

Криво усмехнулась и выпила. Поморщилась, стала закусывать. Сергею не елось, хотя он тоже не ужинал. Шевельнув ногой, он задел гитару, стоявшую почему-то на полу возле стола. Подхватил, протянул Лиде:

– Может, споешь?

Лида иронически посмотрела на него, приняла гитару, еле касаясь струн, взяла аккорд. Шепотом запела:

*Ты едешь пьяная и очень бледная
По темным улицам совсем одна.
Тебе мерещится дощечка медная
И шторы синие его окна...*

Сергей изумился. Недавно дядя Шура познакомил его со своим приятелем – немолодым худруком флотского театра, страстным меломаном, обладателем уникальной коллекции старых, точнее, уже старинных грампластинок с записями еще Вяльцевой, Юрия Морфесси, Вари Паниной, молодого Шаляпина... Только у него Сергей смог услышать и вообще узнать о существовании этого романса. Откуда же он известен Лиде?..

Лида отложила гитару, не то вздохнула, не то сдержанно зевнула:

– Все. Вы просите песен – их нет у меня. Были, да все вышли. Давай-ка спать... – встала, подошла к кровати и заметила возле нее на столике портрет офицера. Оглянулась на Сергея.

– Кто это? – простодушно спросил он.

Взяв портрет, Лида посмотрела на него и бросила обратно:

– Так, случайный знакомый. Вроде тебя. Только другой совсем, – откровенно зевнула и, ничуть не стесняясь, потянула с себя платье.

У моряка дыхание перехватило. Сконфузившись, он опустил взгляд, а Лида как ни в чем не бывало откинула одеяло, взяла полотенце и вышла из комнаты, бросив на ходу:

– Ложись...

Сергей опешил: «Как ложись, куда – ложись? – усовестил себя. – Хорош! Не успел познакомиться и сразу, как кобелишка уличный!.. И это вся любовь?»

Он лег на продавленную тахту, укрылся каким-то пледом. Нарочито зажмурился, притворился задремавшим. Услышал, как вернулась Лида, подошла к кровати. Замерла. Помедлила – и тихо легла в постель.

Как уснул, Сергей не помнил. Проснулся, почувствовав взгляд. За окном брезжил рассвет. На краю тахты сидела Лида в ситцевом халатике и смотрела на Сергея с какой-то неизъяснимой грустью, почти болью. Сергей встревожился:

– Что с тобой? Заболела? Или беда какая?

Она слабо улыбнулась, покачала головой:

– Нет. Просто встала посмотреть, не озяб ли ты?

– Ну что ты. Теплень!

С той же улыбкой Лида мягко положила руку на его широкую сильную грудь. От прикосновения этого моряка зазнобило, но тут же он почувствовал: ласка эта – дружеская, почти материнская. Вздохнув, Лида тихо сказала:

– Сергей... Сережа... Хороший, видно, ты человек.

– Ну, так уж и хороший, – смутился он.

Оба помолчали, думая о чем-то своем.

Они были почти ровесниками. Однако – Сергей это интуитивно чувствовал – жизнь узнавали и понимали по-разному.

Лида тихо провела рукой по его груди, вздохнула, отошла и легла на свою кровать, отвернувшись к стене.

Вторично проснулся Сергей точно в минуту подъема по корабельному распорядку. Лида еще спала или делала вид. Сергей мигом оделся и тихонько вышел, оставив записку:

«До св.! Приду в сл. воскр. или через нед. С.»

Крадучись спустился по лестнице, надел во дворе ботинки и быстро ушел, запомнив дом и улицу.

Всю дорогу что-то неотступно мешало ему думать об этом волнующем и чрезвычайном для него событии. Что именно, он сообразил только дома, у дяди: утром, когда он торопливо писал записку, фотографии офицера на столике уже не было.

Полоса волнений и неприятностей

Проснувшись Алиса уже радостно взволнованной. Так пробуждаются в праздник дети, жаждущие подарка. Она тщательно занялась туалетом. Умылась, старательно причесалась, наложила косметику. Надела узкий в талии, длиннополый халат, прошла, посмотрела в зеркало. Нет, так не пойдет – слишком для начала. Надела шортики, легкую рубашку с полурубашечками, стянула полы узлом на талии. Вот так хорошо: вполне современно и прилично. Довольная собой, отправилась в кухню и вскоре позвала:

– Алексей Алексеевич, прошу к завтраку!

С аппетитом завтракая, Оскар откровенно любовался Алисой. Приятно видеть рядом живую статуэтку и сознавать, что достаточно только протянуть руку... Но Оскар не спешил.

– У вас фотоаппарат есть, Алиса?

– Нет, не увлекаюсь. У папы где-то лежит «Практифлекс», могу найти.

– Давайте съездим на пляж, где побезлюднее, я поснимаю вас, посмотрим фотогеничность. А там и о кинопробе подумаем.

– Стоит ли? – усомнилась Алиса, скрывая восторг. – Может быть, просто так съездить, отдохнуть... – и заторопилась на лекции.

Оскар перебрался в кабинет развалился в кресле, закурил. Итак, в Сосногорске все обошлось благополучно. И здесь сложилось лучше не придумаешь. Знакомство с Алисой – просто дар! Дом великолепный, во всем подъезде всего шесть квартир – по две на этаже. Можно месяц ни с кем не встретиться! Однако все надо предусмотреть. До возвращения Пауля ничего серьезного предпринимать нельзя, но и время терять попусту досадно. Надо произвести хотя бы общую рекогносцировку местности близ санатория «Белый камень»...

В такой день и впрямь грешно не поехать на море!

Старый лесопарк, окружающий санаторий, был прекрасен. В прибрежной его части мраморно белело здание санатория, а по берегу простирался природный пляж. В отличие от сосногорского и других – чрезвычайно тихий и малолюдный.

– Какая прелесть! – восхитилась Алиса. – Представьте, Алекс, я тут никогда не бывала. А здесь, оказывается, чудесно!

– Конечно. Недаром здешние старожилы посоветовали мне.

Отдавшись от загорающих курортников, они расположились возле гранитного валуна с указателем «Граница пляжа». Здесь Оскар устроил привал. Выложил из сумки припасы, расстелил на песке «скатерть-самобранку». Алиса тем временем облачилась в пляжный миникостюм.

Позировала она с удовольствием и сноровкой опытной манекенщицы. В статике и движении. Нащелкав кадров двадцать, Оскар объявил:

– А теперь – к столу, к столу, к столу! Я уже шатаюсь от голода!

На пляже всегда естся с аппетитом. Усердно работая челюстями, Оскар продолжал «любоваться» морем. Правее их недалеко от берега торчал из воды свайный домик-будочка с круговым балкончиком. Явно гидрологический пост. А близ него стоял на якоре какой-то вспомогательный военный корабль. Какой? Присмотр и флага его отсюда было не разглядеть без бинокля. Уж не «Флинка» ли он уже разведывает?... Интересно, он постоянно тут торчит или уходит на ночь?

Увидеть это сегодня ему не удалось: по берегу уже шагал, приближаясь, первый пограничный наряд – еще не строгий, но... лучше все же заканчивать пикник. Страхивая «самобранку», Оскар расслышал комариный зуд подвесного мотора. Присмотрелся: вдоль берега шел дюралевый катеришко. Пограничники глянули на него в бинокль и пошли дальше. Катеришко причалил к посту и через две-три минуты отправился дальше, проплыв мимо санатор-

ного пляжа. «Так, так, так. Понятно: смотритель обходит посты, снимая показания приборов. Это надо учесть», – решил Оскар и засек время.

Получив копию дислокации и плана работ на топляке, – это входило в сектор его наблюдения, – капитан Сысоев отправился к своему непосредственному начальнику, майору Рязанову.

Когда-то начинающего чекиста Рязанова определили помощником к Сысоеву. Они хорошо сработались, подружились. Потом обстоятельства разлучили их. Но по прошествии нескольких лет снова свели вместе, только уже поменяв местами. Это, однако, ничуть не ухудшило их отношений.

Сейчас майор был один, а наедине они говорили без чинов. Капитан показал Рязанову полученные документы:

– Читал, конечно?.. Петр Петрович, я понимаю: «Абакан» – спасатель и потому должен быть на «товсь» под рукой у командования, а не болтаться где-то. Но почему не поставить на топляк какую-нибудь брандвахту, что ли? Надо же как-то охранять...

– Кому это надо? – Рязанов вышел из-за стола, подсел к товарищу на диван. – Флоту надо? Да флоту этот топляк – как рыбке зонтик.

– Но уж коль скоро он нашелся...

– Резонно, резонно. Мы согласные, мы завсегда за охрану – было бы чаво охранять! А тут что? «Черный принц», набитый золотом? Новейший корабль с новейшим вооружением? Старая рухлядь, не представляющая никакого...

– Э-э, нет! А вдруг как раз представляет!

– Да я что, против, что ли? Нереально это. Сам посуди: где они возьмут эту брандвахту? Флот наш народные денежки бережет и бездельников не содержит. Значит, для охраны придется снимать со службы какой-либо корабль. И только потому, что Сысоев с Рязановым, видите ли, считают это не лишним. Тем паче топляк – на дне, да еще в пограничной полосе, которая и так бдительно охраняется, – Рязанов встал, прошелся по кабинету. Остановился перед Сысоевым. – А вот насчет «а вдруг» – твоя правда. Это наша забота. Надо хотя бы в принципе определить: может эта находка быть чем-то интересной и важной?.. Я уже сказал Ладого, чтобы водолазы поднимали каждую найденную вещицу. Так ведь пока не отмоют топляк от наносов, в него не проберешься. А что мы еще можем?

Сотрудники помолчали. Разминая «беломорину», – иных папирос он не признавал, – капитан сказал:

– А ты знаешь, можем, пожалуй. Хотя бы по наружным обводам определить принадлежность, класс, тип топляка. Может, он сам по себе уже чем-то примечателен. Чем черт не шутит!

Рязанову предложение понравилось:

– Дельная мысль, Алексеич! Давай-ка привлечем Тутаринова... Молодежь-то не знает давние типы судов, а он и сам войны хлебнул, да и других ветеранов знает – может их приобщить.

«Почтовый ящик» в Сосногорске пустовал – значит, Пауль еще не вернулся. Оскар подернул плечом лямку рюкзака, зашагал к вокзалу. Электричка на Балтиморск шла почти пустой. Естественно: утро погожее, все сейчас едут сюда, к морю. Вечером картина будет обратной. Оскар затолкал рюкзак с «Ихтиандром» в угол под скамью, сел к окну. Частичная разгрузка тайников прошла благополучно, а вот задержка Пауля тревожила.

Оскар задумался, глядя в окно. Отсюда до родных мест рукой подать, и вполне можно встретить какого-нибудь знакомого земляка. А это почти верный провал.

Отец Оскара хуторянин-середняк Ансис своевременно вступил в ряды националистов-айзсаргов и круто пошел в гору. Латыши вообще умеют работать, Ансис же умел не только сам работать, но и из батраков выжимать силы. Хутор скоро вырос в имение, а сам Ансис – в фигуру уездного масштаба. И младшенького, своего любимца Оскара, отец с пеленок рас-

тил ярым националистом и выжигой. Старшая дочь Ансиса, Милда, жила самостоятельно в Риге, состояла в молодежной организации компартии и была функционером-подпольщиком. И Оскар, определенный отцом в городскую гимназию, жил у сестры и доносил о ее знакомствах и деятельности жандармскому офицеру, приятелю отца.

А тут Латвия снова стала советской. Раскулаченный Ансис сам поджег свое бывшее имение, ставшее колхозным, и ушел в лес в банду «межа кати» – «лесные кошки». Туда же подался и Оскар. Бандит-подросток быстро заматерел в Курземских лесах и оттуда был взят в немецкую разведшколу «Абверштелле-Остланд» в Балдоне, близ Риги. Война близилась к концу, но юный диверсант успел отличиться, был отмечен и переправлен на Запад. Там прошел полный курс специального «высшего» училища и уже отлично подготовленным специалистом пришел в диверсионно-разведывательную «фирму» генерала Z. И тут, обойдя многих коллег, сравнительно быстро выдвинулся в ГОР.

«Работал» Оскар в прибалтийских, скандинавских и социалистических странах Центральной Европы. Специально готовился и для СССР. Последний раз был в Союзе недавно и довольно долго – месяца три, приехав как турист-социолог. Единственным его заданием было как можно глубже познакомиться с сегодняшним производством, бытом, культурой, нравами, модами, общественными заботами – укладом жизни советских людей. Теперь же – конкретное и чрезвычайное задание.

...За окном вагона поплыли городские кварталы: тупиковый курортный вокзал обосновался в самом центре Балтиморска.

При выходе с перрона на площадь Оскара толкнул какой-то торопыга в летней шляпе и теневых очках. Оскар оглянулся и обрадовался: Пауль!

Вскоре они уже беседовали в кабинете Туманова. Пауль по достоинству оценил новое пристанище Оскара. А на веранде у старушки решили поселить Пауля: документы теперь у него были надежные.

– А у вас и того крепче, – заверил он Оскара, достав из кармана плотный конверт. – Вы улиток и пиявок любите?... Придется полюбить, хотя бы временно. Вот вам паспорт, вот удостоверение инженера-ихтиолога, научного сотрудника... Командировка на работу в прибрежной зоне. Отношение в здешний НИИ. Все, разумеется, фиктивное, но настоящее. И даже, пока цел Марс, обеспечено подтверждение на случай проверки! Вот еще и рабочее научное задание: исследование моллюсков прибрежной зоны юго-восточной Балтики.

– Крыша прочная, ничего не скажешь.

– Есть еще один паспорт с документами, про запас. Он пока вам не нужен, я его прячу.

– Ладно. Вы молодец, Пауль, с вами можно крепко работать! Только... Я же ни черта не смыслю в головастиках.

– А кто смыслит? Думаете, настоящие ихтиологи толком в них смыслят? Купите «Юный натуралист», подчитаете. Кстати, когда на разведку отправитесь?

– Завтра же. Сегодня уже поздно. Сейчас купите мне в «Спортоварах» акваланг – мой «Ихтиандр» для дела беречь надо. Да и приметный он.

Утро выдалось прохладным, но, пока Оскар с Алисой добирались до санатория, потеплело. Скинув с плеч довольно увесистый рюкзак, Оскар первым делом посмотрел на море: «Абакана» не было. Но это не обрадовало, а скорее обеспокоило: вдруг придет, да в самый неподходящий момент?..

Лодку взял у санаторного заведующего пляжем, в распоряжении которого было несколько шезлонгов, пляжные зонты, лежаки и пузатые фофаны. Греб Оскар неуклюже – откуда режиссеру уметь! Подплыл сначала к свайному домику поста. Точно: «Пост № 17»! Отсюда уже были видны незаметные с берега буи обозначения топляка. Подгреб ближе к ним, остановился.

– Самое, по-моему, место. Лещей тут – тьма тьмущая! – предсказал, бросая якорек.

Изготовили и закинули удочки. Ни одной поклевки не последовало, и Алисе вскоре такая ловля наскучила.

– Ну, где же они, Алексей Алексеевич? – капризно спросила она.

– Тут! – указал Оскар в воду. – Придется, наверное, просто хватать их за жабры, раз не хотят клевать, – решил он, надевая акваланг. – Вот это спорт! Ни грести уметь не надо, ни даже плавать всякими батерфляями. Люблю!

Аквалангистом Оскар был отменным, но перед Алисой разыгрывал неумеху. Только говорил о своих классных ныряниях в Черном море. Алиса же, глядя на увлеченного Оскара, раззадорила и стала просить дать и ей понырять.

– Я же умею, Алекс, ей-богу, умею! Вот посмотрите...

Пришлось уступить. Но с условием: погружаться только на страховочном поводке. Так они и ныряли поочередно, отогреваясь в паузах: вода была еще холодной.

Алиса все же не утерпела и, отвязавшись в воде от страховочного конца, пошла на глубину. И там вдруг увидела смутные очертания какого-то затонувшего корабля! У нее дух захватило – так это было романтично! Вынырнув, она сорвала с лица маску и закричала:

– Алекс! Я нашла затонувший пиратский корабль! Честное слово!..

К ее удивлению, потрясающая находка ничуть не удивила и не заинтересовала Алексея, а вот сущий пустяк – возмутил. Почти до грубости:

– К черту ваши пиратские фрегаты! Да после войны здесь таких находок – куда ни ткнись! Тоже мне находка!.. Кто вам позволил отвязываться?! Что за самодурство?! Вы соображаете что-нибудь? Понимаете, что я – я! – отвечаю за вашу жизнь? А случись что – у меня даже нет второго акваланга, нырнуть на помощь! Вы хоть об этом подумали?!.. Не-ет, все. Все, все, все! Вылезайте!..

Алиса испугалась. Испугалась не опасности, какой себя подвергла, – честно признаться, особой опасности она так и не осознала, – испугалась возможной ссоры с Алексеем. Она покорно влезла в лодку и виновато захныкала, прося прощения. Но не разжалобила. Гребя к берегу, Алексей продолжал возмущаться и даже высказал ужасное предположение: если она уже сейчас позволяет себе такое, то чего можно ждать от нее на киносъемках!

Тут Алиса скинула окончательно.

На берегу Алексей молча стал собираться. Тем более, что и погода начала хмуриться под стать его настроению. Да и ее тоже.

Дома он безмолвно застыл в кресле, прикрыв глаза. Алису это даже взбодрило: как он переживает из-за нее! Она присела на подлокотник, заворковала:

– Вы все сердитесь? Ну не надо, Алекс, прошу вас...

Оскар поморщился. Он обдумывал результат первой разведки. Топляк действительно лежит неглубоко и удобно: в грунт не засосан и не на боку. Это хорошо. Не надо делать подкопы, извиваться внутри... Сильно занесен сверху песком – илистым, плотным, слежалым. Это плохо: чтобы только отрыть подступ к двери в надстройку – одному на год работы хватит! Придется ждать, пока водолазы отмоют... «Абакан», как сегодня выяснилось, приходит не каждый день. Значит, будут дни, когда можно спокойно действовать. Теперь – пост. Внутри него сегодня побывать не пришлось, но под водой Оскар обнаружил достаточно широкую, открытую с обоих концов трубу-лаз со скоб-трапом внутри и водомерной рейкой. Когда разгуляется волна, внутри трубы определить ее истинный уровень легко и удобно. Если загодя пробраться в домик поста, то даже при «Абакане» можно по трубе спуститься под воду и так же незаметно подняться обратно! Остается придумать способ, как добираться до этой морской избушки с берега. Проще всего было бы, конечно, пользоваться санаторной лодкой, но это неразумно...

– Я не сержусь, Алиса, я думаю... Я думаю, мне все же надо перебраться в гостиницу. Я сейчас...

– Нет, нет! – запротестовала Алиса. – И не выдумывайте!

– Это не выдумка. Я не вправе рисковать вашим реноме. Да и своим тоже. Заметят соседи, пойдут кривотолки...

– Алексей Алексеевич! Мы же условились! Вы – папин приятель, моряк, пришли в наш порт на ремонт. У нас же в Балтиморске такие гости – обычное явление.

Зазвонил телефон. Алиса отозвалась, показала Оскару: вас... Передала трубку.

– Слушаю... Да, да. Здравствуйте, товарищ генерал! Так... Да, конечно, удобно. Сейчас приеду, спасибо.

Положил трубку, поднялся, надел пиджак.

– Начальник милиции – насчет обеспечения съемок. Пойду, Аля, потом договорим.

...Прохаживаясь по перрону в ожидании электрички, «генерал» тихо переговаривался с «режиссером».

– Я очень неплохо устроился на вашей веранде.

– И сейчас вызвали меня, чтобы сообщить эту потрясающую новость?

– Не только. Вот вам крок карты с точным обозначением места топляка...

– Благодарю, я уже был на нем.

– Уже?! Даже без моего ведома? Ну, знаете!.. Если бы вы рисковали только собой, то черт с вами. Но вы...

– Прекратите, – оборвал Оскар. – И вообще, коллега, бросьте этот менторский тон. По отношению ко мне, во всяком случае.

Пауль осекся. Промолчал, потом спокойно спросил:

– Ну и как, что там?

– Не знаю. Внутри я еще не был, обстоятельства не позволили.

– Так вот вам еще план офицерского отсека. Крестиком помечена каюта командира. А теперь запоминайте: в ее правом углу над койкой – настенный шкафчик с бронзовыми львиными мордами на створках. За левой – просто шкафчик. А вся правая половина и есть командирский сейф. Так что не тычтесь, как слепой котенок, по всей каюте, а...

– Понятно. Вот за это спасибо, ориентировка дельная.

– Вас еще интересовал смотритель гидрологических постов. Я узнал. Вот его данные, адрес.

– Вот это оперативность! А самого его не поглядели?

– Смотрел. Мерзкая личность, этакий кремень с партбилетом.

– Жаль. Но лучше подосадовать, чем раскрыться. Ничего... Ваша электричка отходит!

– Спешу! До завтра!

К утру «Абакан» пришел на «точку» и приступил к работе.

Молодые водолазы начали отмывку топляка. Тутаринов не спешил на грунт, ждал полудня, когда под водой станет светлее. А пока с Сергачевым и Евсеевым – заслуженными фронтовиками, бывшими разведчиком и корабелом-ремонтником, прибывшими на «Абакан» накануне, – наблюдал за спусками.

Гости уже вошли в морскую семью абаканцев и подружились с молодежью. Встретили их вчера с почетом и флотским гостеприимством, а вечером в матросском клубе состоялась встреча ветеранов с моряками. Любознательная молодежь расспрашивала о службе и боевых походах, о тонкостях корабельного и водолазного дела, морской разведке, советовалась. Ветераны радостно удивлялись: что только не интересуется их наследников!

Тем более было приятно продолжить беседу уже на корабле, за столом в салоне команды у пузатого самовара-ветерана с клеймом «Тула, 1895». Евсеев знал об этом знаменитом самоваре и привез с собой, к удивлению абаканцев, пластиковый мешочек с углем и чаями. И пока он священнодействовал, заваривая чай и угощая им абаканцев, Сергачев рассказал случай из своей фронтовой биографии.

... Был момент, когда вся авиация Ленинградского фронта оказалась под угрозой бездействия. Военный совет приказал немедленно доставить через Ладогу горючее! А как?.. Танкеров нет, на баржах – только на перекачку из цистерн в бочки полмесяца уйдет! Но на том берегу – блокадный Ленинград, а в кармане – приказ! Что делать?! Два офицера – моряк и военинженер, два командира заперлись в кабинете. Среди ночи отдали приказ: экстренно, архисрочно отвести от береговой колеи стометровую ветку в... воду! Еще затемно военинженер постучал каблуком по хилой укладке: «Ладно, полчаса вытерпит...» Моряк расписался у начальника перевалочной базы ГСМ в приемке груза, махнул машинисту паровоза: «Не расцепляя вагонов, толкай потихоньку состав в озеро. Аккуратненько». Все присутствовавшие ахнули и растерялись. Машинист побелел: «Да вы что?!» Моряк повторил: «Выполняйте! Я приказываю!» – «Н-не могу. Нап-пишите», – заикаясь, прошептал машинист. Моряк черкнул в блокноте приказ, вырвал лист – и машинист, зажмурившись, тронул. Все с напряжением смотрели, как цистерны с бесценным горючим одна за другой скрывались в воде... Но, погрузившись по самую горловину, ни одна не утонула! Мощный буксир завел концы и потянул караван из десяти цистерн в бухту Гольцмана, где успели соорудить такую же ветку и по ней выкатили цистерны на берег. Тщательный математический расчет оказался точным, а невыполнимый приказ – выполненным блестяще! Выполненным благодаря знаниям, чувству долга, огромной находчивости и смелости двух командиров! Говорили, оба посидели за эти полчаса. Так ли это – неизвестно. А вот что награждены были высоко – это точно!

И сегодня, вспоминая находчивость и мужество балтийцев-фронтовиков, молодые водолазы особенно тщательно и серьезно готовились к спускам.

Незаметно подошло время обеда. Работы прервались. Муть, поднятая отмывальщиками, должна была рассеяться и осесть. Поэтому Тутаринов спустился на грунт в адмиральский час отдыха. Тогда и он никому, и ему никто не мешал.

Бродил он на дне вокруг топляка довольно долго, а поднявшись, уединился с Евсеевым и Сергачевым в их каюте, где уже кипел, радостно фырча, самовар.

– Где бумага?.. Картина, значит, такова, други мои. Вот черт, рисовальщик я аховый! Ну, в общем, так...

Рисовал Тутаринов и вправду коряво, но тут особого таланта не требовалось, важна была правильность контуров и соотношений. Да и Сергачев тут же перерисовывал наброски Тутаринова куда более художественно. Так на ватмане появились силуэты топляка в профиль, в фас, с кормы, обводы в плане, надстройки...

Евсеев требовал уточнения деталей, Сергачев – количества иллюминаторов, типа клюзов... Евсеев сам уже не мог погружаться, но отлично представлял, как все может выглядеть на дне и чего можно требовать от Тутаринова, а чего нельзя. Друзья выпили по чашечке «евсеевского», и Тутаринов снова отправился под воду.

Потом они долго спорили, рисовали, пили чай, вспоминали, снова рисовали... В конце концов, уточнив детали, переворошив память и старые альбомы и опорожнив не раз самовар, убежденно заключили: топляк – немецкий, предвоенной постройки.

Получив это заключение, майор Рязанов прошел к капитану Сысоеву и застал его за довольно странным для чекиста занятием – он старательно наносил на морскую карту курсы, отмерял по ним расстояния и вырисовывал какие-то подобию дынных семечек.

– Ты что это, Алексеевич, никак в штурманы податься решил?

– Да вроде того. Вот, навигационную задачу решаю.

– И успешно?

– Да вроде того. Любопытная картинка, понимаешь, нарисовалась. Смотри... Вот этот огурчик – это я так «Сирену» изобразил, эти линии от нее – курсы, по каким разошлись шлюпки с ее моряками. А это сами шлюпки на тех местах, где их остановили пограничники. Шлюпки все одинаковые, гребные. Спущены на воду были почти одновременно. Течений тут

нет, ветра не было – условия одинаковые. И шлюпки, шедшие на ост, отделились от «Сирены» почти на равные расстояния. А шлюпка, задержанная у берега, чуть ли не вдвое дальше! Видишь, вот ее место... Теперь скажи: разве не любопытно, как это корабельные «аристократы» оказались гребцами лучшими, чем матросы? А?

Рязанов посмотрел на карту, на Сысоева, снова на карту. Потер подбородок.

– Черт побери! Выходит, у них был мотор...

– ...который они перед задержанием утопили. Другого объяснения быть не может. А зачем утопили?

– На этот вопрос они уже не ответят: их отправили домой.

– То-то и оно. Придется нам самим... А ты с чем пожаловал?

– Да тоже с одной любопытной картинкой. Вот она... Наши милейшие консультанты точно определили и даже старую фотографию двойника нашли: топляк – немецкий СБТ «Флинка», то есть скоростной буксировщик-тральщик типа «Юркий». Строились они как коммерческие, потом были мобилизованы. У немцев их было всего несколько вымпелов, но зарекомендовали на войне они себя весьма разносторонне и хорошо.

– Немецкий? – удивился Сысоев. – Гм... Признаться, я ожидал иного...

Отмывку топляка от наносов водолазы начали с носа к корме. И одновременно, следуя за отмывщиками, приступили к осмотру палубы, форпика, палубных механизмов, носового трюма...

Подошел черед надстройки. Предварительный общий осмотр ее достался главстаршине Сафонову.

Как обычно, к началу рабочего дня на ют «Абакана» сошел командир корабля. Сегодня Ладога был хмур. Только что он получил радиogramму-распоряжение штаба: не смотреть на топляк только как на металлолом. И все. Как хочешь, так и понимай. А Ладога, как все военные, неопределенностей не любит.

Покуривая у фальшборта, он наблюдал за подготовкой водолазов к работам. Жестом подозвал Сергея:

– Вот что, Сафонов. Если обстоятельства позволят, обследуйте первым делом штурманскую рубку и жилой отсек комсостава. Поищите несгораемый ящик или сейф. Кодовые таблицы, шифры – они могут оказаться и в радиорубке. Личные вещи, записные книжки... Результат доложите лично мне...

За долгие годы подводного плена корабль сплошь оброс ракушками, осклизлыми водорослями, местами еще оставался покрытым иловатыми наносами. Под тяжелыми свинцовыми «галошами» Сергея с хрустом крошились мидии, илистая муть поднималась из-под ног, будто дымок, курилась в зеленовато-серой воде.

На грунте водолаз движется медленно: плотность воды сковывает его резвость. Поэтому водолаз и идет, то наклоняясь – будто боднуть хочет, то – будто вагонетку одним плечом толкает и подгребает руками. Но наклоняться тоже надо умеючи, а то воздух из рубашки кинется в штаны – и барахтайся вниз головой! А если еще с золотником не справишься, не справишь лишний воздух, то и вовсе выбросит на поверхность – «сушить лапти». Хорошо еще, если с маленькой глубины, что в учебном отряде почти с каждым случается, – конфузом да насмешками отделаешься. А если с большой – можно и жизнью поплатиться.

Набычась и подгребая, Сергей прошел по палубе до наружного трапа, поднялся по мохнатым от водорослей ступеням. Дверь в ходовую рубку приросла намертво, войти не удалось. Спустился.

Помещения первого яруса надстройки разделялись сквозным поперечным коридором. С левого борта литая стальная дверь оказалась неплотно закрытой. Сергей втиснул в щель жало ломика, навалился – дверь, скрежетнув ржавыми навесами, приоткрылась. Отжал еще маленько.

– Трави помалу. Иду внутрь первого яруса, – буркнул наверх.

С надводным миром водолаза непременно связывают как минимум воздухопроводный шланг, телефон и капроновый трос, на котором водолаз спускают, поднимают и еще сигнализируют, если телефон почему-то откажет. Оба этих связующих так и называются – «шланг-сигнал», и оба они все время в руках товарища, страхующего наверху.

Сейчас на борту «Абакана» страхующим на шланг-сигнале Сафонова стоял матрос-водолаз Изотов. Возле его ног крутился еще не уяснивший всех корабельных уставных правил собачонок с «Сирены».

На посту телефонной связи стоял друг Сафонова главстаршина Коля Чуриков.

– Добро, топай, – сказал он Сергею. – Аккуратненько только, впервой ведь. Да хоть пой, что ли!..

Под водой психика, а стало быть, и характер, и поведение водолаза несколько меняются, и у каждого по-своему. Один становится разговорчивым, вроде Журбенко, другой угрюмым, третий резким... Сафонов на грунте работал молча, затягивая иной раз такие паузы, что с борта его уже сами запрашивали, как он там...

Спускаться в неизвестность внутренних помещений старых топляков водолазам радости не доставляет. Это и трудно, и опасно: можно запутать шланг-сигнал, порвать рубаху, провалиться сквозь прогнившую палубу...

Перешагнув через высокий комингс-порог, Сергей вошел в коридор. Включил фонарь, осмотрелся: справа от него находился санузел, слева шли шифровальный пост, радиорубка, а между ними – трап вниз.

– Спускаюсь в каютный отсек...

Мастера-водолазы виртуозно управляют своей плавучестью – утяжеляются, легчают, всплывают, а то даже зависают в невесомости. Пожалуй, как это ни парадоксально, именно им наиболее близко состояние космонавтов. Недаром же космонавты и тренируются в бассейнах...

Сергей прикопил в рубахе воздух и плавно сошел, еле касаясь еще непроверенных ступеней трапа. В тупиковый коридор выходили четыре двери – по две слева и справа. Первая направо распахнута, за порошком – тесная кают-компания. Сергей вообразил, как остальные двери распахиваются и моряки идут сюда, весело переговариваясь. И вдруг смех действительно звонко ударил в уши водолазу! Сергей в ужасе зажмурился... Тьфу, черт! Это же наверху у поста связи что-то рассмешило матросов! Сафонов чувствовал себя как в склепе и со страхом оглядывал закрытые двери, не в силах шагнуть к ним.

– Сергей, ну что там? – Спросил Чуриков. – Ты где?

– Здесь, – сипло буркнул Сергей. – Первая направо – кают-компания. Иду во вторую.

Голос друга ободрил. Сафонов прошел вперед, ударил – тонкая прогнившая дверь рассыпалась, слегка замутив воду. Он вошел, повел фонарем. От движения воды в двухместной каюте заколыхалось разное гнилье, а на полу водолаз увидел широко улыбающийся череп. Снова стало жутко, но Сергей все же поднял череп, осмотрел: зубы все целы – белые, крепкие. «Видно, недолгой была твоя жизнь, неизвестный моряк!..» – отметил, оглядывая останки, не знавший войны водолаз.

Противоположная каюта пустовала. Последняя – напротив кают-компания – принадлежала, очевидно, капитану или командиру корабля. Она, конечно, могла бы что-то рассказать, но немногочисленные судовые журналы и документы в столе, книжки на полочке – все давно превратилось в подобие папье-маше. Сохранились лишь чернильный прибор, какая-то фотография над ним, да еще в углу над койкой настенный шкафчик со звериными мордами-ручками на створках. Сергей попробовал открыть: левая створка сразу отвалилась, ничего не обнаружив внутри, правая – вообще не поддавалась. Сергей постучал – железная. Взяв прибор и фотографию, сказал:

– Выбирайте помалу. Выхожу...

С задачей разведать носовой кубрик топляка под воду шел Чуриков. Матрос Скултэ стал страхующим на его шланг-сигнал. Строго по правилам, страхующий сам должен быть одетым по-водолазному на «товсь», то есть уже в комбинезоне, только без шлема и грузов. Но, видно, тот, кто писал эти правила, не представлял, каково страхующему стоять на солнцепеке в таком виде! Так что теплая одежда и зеленая трехболтовка Скултэ просто висели поблизости.

Отправив еще на грунт шустрого Швайку, мичман Голодов повернулся к поднятому на борт Сафонову, стоявшему уже без шлема.

– Ты, Сергей, отдыхай пока. Хлопцы, раздеть водолаза!

Развязав «подхвостник», матросы первым делом сняли с Сергея груза: как-никак, а тридцать пять килограммчиков! Затем – манишку. «И-и р-раз!.. И-и два!..» – растягивая ворот, спустили комбинезон до колен. Сергей сел, устало выпростал ноги из штанин, стянул длинные теплые чулки, рейтузы, снял феску, свитер, тельняшку и с наслаждением растянулся на брезенте, вдыхая не стиснутый компрессором, пахнувший резиной, спиртом и маслом, а вкусный, вольный морской воздух. Отдыхая, осмотрел свои трофеи. На чернильном приборе не было даже фабричного клейма. Сергей обтер фотографию. Плотно зажатая рамкой-скобой между двух стекол, она уцелела, но поблекла, еле-еле сохранив портрет молодой красивой женщины. Лицо ее показалось Сергею знакомым, и он долго всматривался, припоминая. Тут как раз подошел Ладога и тихо спросил:

– Ну, что там?

– Бумаги все – каша, товарищ командир. А сейф... Не понял я – сейф это или что. Половинка настенного шкафчика, но железная. Похоже, сейф. Маленький, вот такой, – Сергей показал руками. – Я бы его запросто прихватил, да он оказался приваренным к стойке и бимсу.

– И ладно, что не прихватил, – одобрил Ладога. – А вдруг это еще потребует оформления каким-либо актом... Больше ничего не нашел?

– Вот... – подал Сергей чернильницу и портрет.

Ладога посмотрел, повертел, вернул.

– Сдай мичману, пусть запишет в ведомость? А чего загрустил, моряк?

– Просто устал немножко, – Сергей смутился. – А там еще мертвяки эти...

– Понял. Да, Сережа, водолазам при судоподъемах открываются подчас страшные картины. Мне некоторые до сих пор снятся... К этому нельзя привыкнуть, да и не надо, а то зачерствеет душой. Но мы люди военные и обязаны уметь укрощать свои эмоции.

– Я понимаю. Да я что? Я ничего: раз надо, значит, надо.

– Правильно. Я рад: ты становишься настоящим моряком и водолазом. Так держать! – улыбаясь, приказал Ладога, легко и ловко поднимаясь на ноги. – Лежи, лежи, отдыхай...

Сергей откинулся. Вдруг в бок ему торкнулось что-то теплое и мягкое.

– Это ты, псина?.. Надо отвечать «Так точно!», а не молотить меня хвостом по животу. Экий ты... – Сергей погладил собаку. – Слышал? Обязаны волей укрощать свои эмоции! – Сергей вздохнул, припомнив свое возвращение...

Возле самых ворот базы неожиданно встретил Венциуса. Взглянув на часы, замполит одобрил: «Молодцом, Сафонов, даже на час раньше срока. В Балтиморск ездил? У Сысоева-то был хоть?» – «А как же! Вместе и отправились: он на концерт, а я домой». Венциус кивнул, довольный: когда моряк, даже машинально, называет свой корабль домом, это замечательно! «Добро. А тебя тут спрашивали – в команду зачислить. Ты же самбист-разрядник, а скоро соревнования с рыбфлотом». Вот так раз! Это значит – прощай, увольнения, Балтиморск, Лида... И Сергей увильнул: «Да я только команду подведу и сам опозорюсь. Сколько уже не занимаюсь – сырой совсем». – «Нагонишь. Переведем пока на берег, для тренировок». – «Некрасиво получится, Ояр Янисович. Кабы учебные спуски, а то ж по-настоящему авралим. Значит, все будут на грунте ворочать, а я на бережку сачковать! Что ребята скажут?» Расчет на

особую шепетильность замполита оправдался. Венциус досадливо поморщился: «Да, действительно неладно. Тем более – командир отделения. Ладно, ступай...»

На корабль Сергей пришел расстроенным: впервые он покривил душой перед Венциусом, которого, как все абаканцы, глубоко уважал.

На «Абакане» первым Сергей увидел командира третьего отделения Шлунка – личность малопривлекательную и язвительную. «Здорово, выдвиженец. Наведаться пришел?» – «То есть как это – наведаться?» – «Обнаковенно. Говорят, ты в штаб словчил – к Тутаринову. А Шнейдер на «Труженик» вернулся только оформить да барахлишко прихватить». Хотя и знал Шлунка, а все равно покорило.

Припомнив все это, Сергей поднялся с горячего брезента, тоскливо посмотрел на море. – Хоть бы заштормило, что ли! – сказал насторожившемуся псу.

Тот в ответ неуверенно помахал хвостом.

Тем временем Ладога по радиотелефону доложил начальнику штаба базы о результате осмотра каютного отсека и испросил указаний.

– Пока ничего не предпринимайте, – решил тот и пояснил. – Понимаешь, Иван Иванович, разноречив с этим «Флинком» получился. Это же не чисто военный корабль – судьбу таких топляков решает морское ведомство. От него мы сразу получили: «Находка интереса не представляет, режьте на металлолом». А наши, наоборот, вдруг заинтересовались... Да, и москвичи, и здешние. И майор Рязанов – помнишь его? – официально порекомендовал: работы на топляке продолжать по нашему плану, но входы в офицерский отсек пока что задрать наглухо. Этим и руководствуйся.

Выйдя на палубу, Ладога, прищурясь, посмотрел на небо, на санаторный пляж. «А хорошо бы с Ольгой и Славкой тоже этак на песочке пожариться да по лесу побродить!» – позавидовал курортникам и подошел к посту связи.

– Кто старший на грунте? – узнал у Голодова, беря микрофон. – Чуриков. Слышите меня? Командир говорит. Примите сейчас сверху инструмент и прихватите сваркой в двух-трех точках обе двери в сквозной коридор первого яруса надстройку. Задача понятна? Выполняйте.

Матросы на палубе недоуменно переглянулись...

А вечером в салоне команды довольно бурно прошло комсомольское собрание. Вопрос стоял один: Шлунок. Поведение его давно уже возмущало матросов и офицеров. Водолазом Шлунок был слабеньким и трусливым, командиром отделения – надменным, придиричливым и незаботливым, а товарищем и комсомольцем вовсе дрянным – мелочным, язвительным, непорядочным. Зато горлопан первостатейный! А вчера он напортачил на грунте и поставил подчиненному условие: возьми вину на себя, не то пожалеешь! Честный, добросовестный парень взорвался...

И вот все накипевшее выплеснулось. Да еще как! Горячо выступали все – матросы, старшины, молодые офицеры. И решение приняли суровое: ходатайствовать перед командованием о разжаловании Шлунка и списании с корабля!

Молчавший до этих пор Венциус только тут попросил слова и сказал:

– Мне понравилось, что все выступавшие говорили искренне и справедливо. Такими и должны всегда быть собрания. Только вот насчет разжалования – это вы, по-моему, сгоряча. Вопрос присвоения или снятия воинского звания – это, согласитесь, вопрос не компетенции комсомольского собрания...

Моряки согласились. Первый пункт был вычеркнут из решения. Однако после ухода Венциуса официально закрытое собрание продолжилось, и абаканцы долго еще обсуждали события прошедшего дня и свою находку.

– Давайте толком рассудим. Двери приварили. А зачем?

– Элементарно: чтобы в отсек не шастали, кому вздумается.

– Вот-вот. А кому может вздуматься? Только водолазам! Так чего просто не сказать: «Товарищи, в отсек пока не спускаться», а? Разве кто ослушается?

– Да ни в жисть! Командир сказал – все! Закон! Мы же моряки...

– Вот именно. А тут безо всяких – приварить! Треба до комиссара...

Венциус оказался легким на помине. Он еще на собрании заметил особую нервозность матросов и сейчас будто бы мимоходом заглянул к ним.

– О чем спор, если не секрет?

Моряки поведали замполиту и попросили объяснить, за что их так обидел командир? Венциус ответил искренне:

– По правде сказать, я еще тоже не знаю, чем вызван этот приказ. И не догадываюсь. И вам не советую ломать свои светлые горячие молодые головы. Давайте рассудим. Я задам три вопроса... Только уговор: отвечать как на духу! Идет? Первый. Было когда-нибудь, чтобы наш командир отдавал нелепые приказы?

– Нет! Что вы! Никогда! – посыпались ответы.

– Так. Было когда-нибудь, чтобы командир не уважал вас, не доверял?

– Да что вы! Николы нэ було! Да у нас такой командир – поискать!..

– И последний. Уважаете вы своего командира, верите в него?

– Абсолютно! А как же – и уважаем, и любим!

– Ну вот. А раз так, то должны быть уверены и спокойны: если командир дал такой приказ, значит, имеет на то основания. А какие – это уже, простите, его командирское дело, а не ваше, и даже не мое. Согласны?.. – Венциус добродушно усмехнулся. – Стало быть, нечего и базарить, а надо спокойно ложиться и отдыхать, чтобы завтра еще лучше выполнять его приказы.

Чей этот таинственный «Флинк», оставалось пока неясным. Точно, что это за корабль, знали лишь те, кто сейчас всячески старался оставить это в тайне. Последним звеном цепи были Оскар и Пауль. Но и они не знали всего – по законам «фирмы».

В сосногорском парке садовники спилили старую пихту, дупло которой служило напарникам почтовым ящиком, и Оскару пришлось пройти мимо дачи – показаться. Пауль варил на веранде утренний кофе.

– Заходите! – позвал он. – Смелее! Пелагея в Балтиморск укатила. Берите чашки, бисквиты, идите в сад. Вам, может, яичницу?..

Смахнув со столика птичий помет, Пауль расстелил газету, сервировал. Разговаривать можно было без опаски, и, как всегда в таких случаях, напарники перешли на английский.

– Как это усложнило дело! И чем дальше, тем будет сложнее, – предрек Оскар, помешивая кофе. С досадой бросил ложечку на стол. – И как это ни Марс, ни «фирма» не предупредили, что сейф приварен! Знать бы, прихватили портативный автогенный резак. Или взрыв-патроны.

– Лучше уж лазер! – сыронизировал Пауль.

– Идите вы!.. – озлился Оскар. – Я вправе возмущаться. Это вы, обеспечивающий, можете спокойно лавировать, выжидать. Я же – как на ринге! Только без публики.

– Я не хотел вас обидеть. Вы правы, конечно, вам действительно трудно придется. Но «фирму» и Марса вы напрасно клянете. Я уверен: они сами не знают, что сейф приварен.

– Допустим. Вам от этого легче? Мне нет.

– Мне тоже. Патроны, конечно, мечта. А вот автоген... Автоген я вам добуду. Это моя обязанность.

– А как я смогу работать им? Чтобы отрезать сейф, необходимо минимум двадцать минут совершенно безопасного времени. Его вы мне тоже добудете? Когда? Днем на топляке «Абакан» стоит, ночью пограничники бдят. Выдирать сейф в таких условиях – это вырывать сало из капкана.

– Вы правы. Но не требуйте от меня невозможного, дружище. Снять «Абакан» с работ и отменить погранохрану, согласитесь, – выше моих сил. Так что придется рисковать. Сейчас главное – найти, как отрезать этот проклятый ящик. И мне думается, не вернее ли будет поручить это самим абаканцам? Способ, конечно, старый, но проверенный.

– Подкуп? – Оскар посмотрел на Пауля с ироническим прищуром. – Ну что ж, отправляйте меня за ненадобностью назад, я согласен. Действуйте! Только не просчитайтесь...

– Бросьте, Оскар. Я советуюсь, а вы сразу в амбицию... Надо серьезно взвесить каждый вариант.

– Серьезно? Серьезно, этот безусловно оптимальный вариант имеет одно «но»: если только карась выплюнет крючок – вся операция сразу проваливается! А я уверен: он выплюнет. Ибо советская нынешняя комсомолка – это те же Кошечки и Космодемьянские. Да и как присмотреться к ним, прощупать? Не лезть же на военно-морскую базу!

– Да... А другого варианта у вас нет?

Таковой у Оскара уже намечался: смотритель гидрологических постов. Пауль не знает, что «кремль с партбилетом» уехал, а заменил его отнюдь не кремль. Но стоит ли открывать Паулю эту новость?... Пост – идеальное укрытие для тайных спусков в воду. А заарканить временного смотрителя Оскар и сам великолепно сумеет.

– Нет, другого, увы, не видится, – с сожалением ответил Оскар. – Придется самому играть ва-банк. Добывайте автогенный резак.

В Балтиморск Сергея отпустили в воскресенье только после обеда и без ночевки. А автобус-то – вот-вот! Сергей помчался и впрыгнул уже на ходу.

...Лида была дома и встретила его тихо, спокойно, молчаливо. Но что-то непонятное, отчуждающее таилось в ней по-прежнему. Сергея это ранило, он ждал доверия, откровенности.

И как это время умеет так растягиваться и сжиматься! Вроде бы только что пришел...

Прощаясь, Лида подошла к Сергею, коснулась ладонями его груди и, не поднимая глаз, тихо попросила:

– Я хочу сказать тебе, Сережа: не надо, не приходи ко мне...

– Но почему, почему?! – горячо выдохнул он.

– Не спрашивай.

– Я мешаю кому-то? Или неприятен тебе?

Она ответила не сразу, еще тише.

– Приятен. Очень, – тряхнула головой, посмотрела в лицо и уже громко и решительно. – Вот поэтому и не приходи. Прощай...

Вдруг приподнялась на цыпочки и поцеловала – ласково и стыдливо, как школьница. Сразу же отступила и отвернулась. Сергей задохнулся, оторопев. И в каком-то сумбурно-восторженном порыве вылетел из мезонина, мелко простучал ботинками по ступеням лестницы...

Времени наведаться к дяде уже не хватало, и Сергей пошел прямо к автобусу.

– Бонжур, камарад. С праздником! – только огненно-рыжая шевелюра помогла Сергею узнать в штатском моднике главстаршину Шнейдера.

– Здравствуй, – ответил Сафонов. – С каким это праздником?

– Я знаю? Сияешь, как новенький рубль...

– Сам-то как самовар. А чего пажоном таким? Отслужил уже?

– Ша! – Борис засмеялся, подняв руку. – В увольнение словчил, здесь же – майн либер муттер унд швестер. Вон в том доме.

– Да? А чего же ты ребятам про Херсон травил?

– Пардон, мсье, Борис Шнейдер – сама правда. В милом сердцу Херсоне прозвенела моя розовая юность. А сюда мама с сестренкой недавно переехали, – пояснил Борис. – А вы, сэр, к Лидочке изволили наведываться?

– Да. Ты ее знаешь?

– Ну, не ночую у нее, как некоторые...

Шнейдер не договорил – сокрушительная затрещина отшвырнула его. Если бы он ответил тем же – стычка эта не стала бы столь постыдной. Борис тоже здоровяк, верзила – повыше Сергея. Но в том-то и беда, что Шнейдер рванулся было к Сергею и – сдержался...

На следующий день перед обедом Сергей с мичманом Голодовым, сопровождаемые Юнгой – так абаканцы нарекли пса с «Сирены», – отправились к ремонтникам, из-за которых «Абакан» не вышел нынче на топляк. Шли вдоль причалов. И надо же: возле «Труженика» встретились на стенке именно со Шнейдером! Левую скулу его оттеняла замечательная багрово-синяя припухлость. Голодов весело удивился:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.